

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

АТОМНЫЕ ТАНКИСТЫ

Ядерная война СССР против НАТО

ВЛАДИСЛАВ
МОРОЗОВ

Героическая фантастика

Владислав Морозов

**Атомные танкисты. Ядерная
война СССР против НАТО**

«Махров»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Морозов В. Ю.

Атомные танкисты. Ядерная война СССР против НАТО /
В. Ю. Морозов — «Махров», 2016 — (Героическая фантастика)

ПЕРВЫЙ фронтовой боевик о ядерной войне СССР против НАТО. Самый реалистический и достоверный роман, с документальной точностью моделирующий сокрушительный удар советских танковых армий по Западной Европе. 1982 год. Смерть Брежнева и политический кризис в Польше провоцируют прямое военное столкновение СССР и США. Пытаясь остановить лавину советских танков, Рейган отдает приказ на применение тактического ядерного оружия. Андропов отвечает тем же. По выжженной дотла земле, сквозь тучи радиоактивной пыли и зоны полного поражения АТОМНЫЕ ТАНКИСТЫ СССР рвутся к Ла-Маншу... Пальцы уже легли на «красные кнопки». Стратегические ядерные силы приведены в полную боевую готовность. Мир балансирует на грани тотального Апокалипсиса... Этот роман – уникальная возможность увидеть ядерную войну не только из Кремля и Вашингтона, но и через триплексы Т-72, «Абрамсов» и «Леопардов», из кабин «МиГов», Ту-22, F-15, «Тандерболтов» и «Фантомов», из боевых порядков ВДВ и морпехов...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Морозов В. Ю., 2016
© Махров, 2016

Содержание

Нечто вроде исторической справки	6
Глава 1. Люди и цели	8
Глава 2. Два капитана и один майор	13
Глава 3. Те, кто на другой стороне-1	18
Глава 4. Те, кто на другой стороне-2	21
Глава 5. Орлы и прочие соколы	27
Глава 6. Крылатая пехота	30
Глава 7. Те, кто на другой стороне-3	35
Глава 8. Дан приказ ему на Запад	38
Глава 9. Война, где всегда тишина	41
Глава 10. Те, кто на другой стороне-4	44
Глава 11. Ревущие звери	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владислав Морозов

Атомные танкисты. Ядерная война СССР против НАТО

© Морозов В.Ю., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Посвящается последним солдатам империи – всем тем, кто служил в Группе советских войск за границей и участвовал во всех локальных войнах и вооруженных конфликтах с 1945 по 1991 г.

Я ступал в тот след горячий.

Я там был. Я жил тогда...

А. Твардовский. «Василий Теркин» (глава «На Днепре»)

Нечто вроде исторической справки

1982 год неожиданно стал, возможно, одним из самых трудных за всю историю послевоенного глобального военно-политического противостояния между мировыми сверхдержавами.

На фоне продолжающейся войны за Фолклендские (Мальвинские) острова, войн в Афганистане, Анголе, Ливане, Эфиопии, Никарагуа, Сальвадоре и ирано-иракской войны обстановка в Европе резко обострилась.

Правительство Польской Народной Республики во главе с генеральным секретарем ПОРП Станиславом Каней слишком долго шло на поводу у организаций, чья деятельность на Западе характеризовалась как «справедливый гражданский протест против тоталитаризма» (главной из этих организаций был профсоюз «Солидарность»), не позволяя польскому военному руководству ввести в стране военное положение.

В итоге 8 марта 1982 г. при довольно странных обстоятельствах погиб посол СССР в ПНР А.Г. Фуфаев – при возвращении с партийной конференции в Минске-Мазовецком в Варшаву в его лимузин врезался грузовик. Погибший водитель грузовика Анджей Крайновский оказался активным членом «Солидарности», хотя его злой умысел в этой аварии доказан не был.

10 марта 1982 г. в тюрьме при невыясненных обстоятельствах скончался один из лидеров «Солидарности», Яцек Куронь (официальной причиной смерти была банальная сердечная недостаточность, но этому никто не захотел верить), чья смерть вызвала новую волну демонстраций и иных протестных акций не только в Поморском крае (Гданьск – Гдыня), но и по всей территории ПНР.

17 и 19 марта 1982 г. произошли нападения на места постоянной дислокации 19-го отдельного полка связи и автоматического управления (Легниц) и 155-го Краснознаменного танкового полка (Свентошув) Северной группы советских войск с целью захвата оружия и боевой техники. Часовые были вынуждены открыть огонь на поражение. В итоге было ранено 5 советских военнослужащих, убито 4 и ранено более 30 поляков из числа нападавших. Более сотни причастных к нападению лиц было арестовано польским МВД и органами госбезопасности, что на Западе было немедленно объявлено «необоснованными репрессиями».

20 марта 1982 г. в частях Северной группы советских войск, дислоцированных в Польше, была объявлена повышенная боевая готовность.

22 марта 1982 г. генеральным секретарем ПОРП стал генерал армии В. Ярузельский. На следующий день на всей территории ПНР было введено военное положение. Руководство США незамедлительно сделало ряд очень резких заявлений, объявив о новых экономических санкциях против СССР и Польши, ПНР была лишена «статуса наибольшего благоприятствования в торговле», а ее заявка на вступление в Международный валютный фонд была заблокирована.

При этом часть наиболее активных лидеров «Солидарности» и других подобных организаций, как это ни удивительно, сумели избежать ареста и интернирования. Так, Лех Валенса (вместе со своим многочисленным семейством) и Мариан Юрчик успели нелегально покинуть территорию Польши и через Швецию добраться до Западной Европы, а затем и до США.

22 апреля 1982 г. «после тяжелой и продолжительной болезни» скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Новым руководителем СССР после его похорон стал Юрий Владимирович Андропов.

Л. Валенса, М. Юрчик и другие подобные им деятели, находясь на территории США, сделали ряд громких и откровенно провокационных заявлений по поводу ситуации в Польше и нашли поддержку и понимание в правительственных кругах большинства стран Запада.

А 10 мая 1982 г. президент США Рональд Рейган, выступая с речью на съезде Католической лиги религиозных и гражданских прав США (перед ним на этом же съезде выступал

М. Юрчик) в Нью-Йорке, публично объявил, что происходящее сейчас в Польше – это «гнусное насилие над наиболее передовой частью польского общества, не желающего и далее страдать под красным сапогом». В этой же речи СССР был впервые назван «империей зла» и «центром зла в современном мире», чьи «непомерные аппетиты давно пора укоротить», а все без исключения коммунисты объявлены «глубоко и принципиально аморальными».

В ответном заявлении ТАСС было сказано, что «администрация Рейгана, к сожалению, способна думать и разговаривать, только оперируя терминами конфронтации и воинственного, бездумно-пещерного антикоммунизма».

После этого президентского выступления ряд американских конгрессменов и сенаторов-республиканцев выдвинули предложения о необходимости оказания «польским оппозиционным антикоммунистическим и антитоталитарным силам» не только моральной и финансовой, но, если потребуются, и любой другой помощи, вплоть до военной. Польская диаспора в США и Канаде даже объявила о «сборе средств и вербовке добровольцев с целью организации на территории Польши повстанческого движения против советских оккупационных войск и правительства В. Ярузельского».

Лето 1982 г. началось с масштабных военных приготовлений по обе стороны Эльбы. Войска НАТО готовились к проведению внеочередных учений «Рефоржер-13», а Варшавский Договор – к давно запланированным учениям «Щит-82». Подготовка велась в условиях постоянного возрастания напряженности и повышенной боевой готовности...

Глава 1. Люди и цели

Москва. Кабинет в Кремле. 2 июня 1982 г. 8 суток до «момента ноль».

– В общем, Юрий Владимирович, несмотря на введение военного положения, обстановка в Польше остается напряженной, – продолжал свой доклад офицер.

Генсек уже больше двадцати минут внимательно рассматривал его сквозь толстые линзы очков, отметив для себя, что костюм и галстук докладчика явно западного производства. Впрочем, это не вызывало у Андропова отрицательных эмоций, поскольку он всегда считал, что офицер государственной безопасности в любой обстановке не должен выглядеть как вахлак. А этот молодой, невысокий полковник с располагающим к себе и в то же время не запоминающимся лицом (практически идеальное сочетание для организации, в которой он служил) был выбран в качестве «офицера для особых поручений» самим Андроповым во многом по воле случая, после мартовских событий этого года в Польше.

В тот момент Юрий Владимирович еще не был генсеком, а офицер был подполковником. Ну а запомнился он будущему Генеральному секретарю ЦК КПСС на совещании, которое состоялось на Лубянке 24 марта, сразу после введения Ярузельским военного положения в Польше. Тогда докладывавший о ситуации человек генерала Григоренко, полковник Савичев из Второго Главного управления КГБ вместо четкого и ясного доклада о состоянии дел в соседней стране, которого от него ждали собравшиеся за длинным столом начальники, с места в карьер понес какую-то ахинею, напирая на наши успехи в идеологическом противостоянии с происками коварного мирового империализма в лице «Солидарности» и прочих их наймитов. Такое вполне можно было докладывать дорогому Леониду Ильичу (тогда еще живому, хотя уже давно не вполне здоровому), который в последние месяцы своей жизни откровенно плохо воспринимал окружающую действительность, но Андропов любил четкость и ясность во всем. В общем, когда слегка расвирепевший от подобного словоблудия будущий генсек задал пару невинных, но вполне конкретных вопросов, требующих личной оценки, докладчик начал откровенно мямлить, а потом вообще замолчал и густо покраснел. Повисла тягостная пауза.

– Разрешите мне, Юрий Владимирович? – спросил в этот момент тот самый молодой подполковник.

Он был из Первого Главного управления, человек Крючкова, контрразведчик, который вообще-то занимался борьбой с агентурой и диверсионными операциями НАТО на территории ГДР и Польши. Накануне введения военного положения он, в составе сводной оперативной группы, был брошен на усиление штатных армейских контрразведчиков. По идее это была не его работа, просто у КГБ в нужный момент и в нужном месте, как обычно, не хватило людей.

– Пожалуйста, – разрешил Андропов, и подполковник буквально в нескольких предложениях и на конкретных примерах объяснил, что за всей последней деятельностью «Солидарности» явно стоят спецслужбы НАТО. Причем они явно готовились заранее и местами используют этот польский профсоюз, что называется, втемную. Например, план побега Валенсы, Юрчика и прочих в Швецию был явно спланирован задолго до начала серьезных волнений в ПНР. Так, после введения военного положения польская госбезопасность изъяла у многих арестованных активистов «Солидарности» шведские и западногерманские паспорта на чужие имена. Причем документы были выданы вполне официально и посольства Швеции и ФРГ в Варшаве были обо всем полностью осведомлены. Они даже пытались направить Польше официальную ноту протеста по поводу того, что на территории ПНР арестованы «их граждане». Кроме того, западные спецслужбы заранее внедрили в соответствующие органы ПНР своих агентов или сумели оперативно завербовать кого-то из действующих сотрудников. Иначе почему польские госбезопасность и МВД, которые вроде бы должны были отслеживать ситуацию вокруг вождей «Солидарности», откровенно проморгали последних? Так, из четырех офи-

церов, курировавших Валенсу, двоих нашли убитыми, еще одного тяжело ранили, а четвертый сбежал за компанию с этими «профсоюзными деятелями» в Швецию. Причем именно последний обеспечил своими документами и полномочиями безопасный выход рыболовного сейнера с вождями «Солидарности» и их домочадцами из Дарлово в нейтральные воды, с последующей пересадкой на скоростной катер и доставкой в шведскую Карслкуну. Спрашивается – был он агентом, внедренным задолго до того, или просто польстился на денежное вознаграждение и возможность уйти за рубеж? Другой интересный момент – после нападений на наши воинские части у тех нападавших, кто стрелял в часовых, изъяли довольно старые образцы стрелкового оружия, вроде немецких пистолетов «парабеллум» и английских автоматов «Стэн», явно извлеченных из старых записок АКовских схронов. Вроде бы чистой воды импровизация, но пули, извлеченные медиками из наших раненых военнослужащих, выпущены из современных, похоже, снайперских винтовок производства ФРГ. А это значит, что как минимум настоящее оружие, которое использовалось при данных провокациях, было успешно спрятано, а как максимум – стрелявшим удалось уйти от ареста и они, возможно, уже за границей. Если диверсионные группы проникали на польскую территорию, к примеру, под видом туристов или журналистов, такой вариант вполне реален. Ну и так далее.

Андропову этот внятный и живой доклад понравился, и он «сделал зарубку на память», запомнив способного офицера, который впоследствии возглавил специальную группу контрразведчиков, которая сейчас находилась на территории ГДР и Польши и занималась выяснением, по сути, одного-единственного вопроса – являются ли последние, выходящие из ряда вон, слова и действия США и НАТО просто очередным бряцанием оружием или следует все-таки ждать реальной войны? Вот и сейчас полковник прибыл с очередным докладом о текущей ситуации самолетом, прямо из Вюнсдорфа.

– В Польше, – продолжал офицер, – ситуация, к сожалению, остается критической. К разговорам о «защите демократии», «необходимости изгнания советских оккупантов» в последнее время присоединилась еще и католическая церковь. В западной прессе сейчас, помимо прочего, начали требовать обнародовать сведения о польских гражданах, якобы казненных на территории СССР в 1939–1941 годах. При этом сбежавшие на Запад лидеры «Солидарности» продолжают делать публичные заявления и давать прессе интервью откровенно провокационного и антисоветского характера, вводя в заблуждение общественность в Европе и США. Заметно оживились наиболее одиозные националистические элементы среди польской диаспоры в США и Канаде. На этом фоне в Западной Европе идут лихорадочные военные приготовления. Официально НАТО якобы готовится к учениям «Рефоржер-13». Однако наша разведка докладывает, что это будут не просто учения. Это подтверждают и данные контрразведки...

– А что же тогда, по-вашему, будет вместо учений? – спросил генсек. – Война? Да, извините, что перебил, продолжайте.

– Очень похоже на то, что НАТО планирует провести десантную операцию на севере Польши. Судя по усилению активности их разведки и иным признакам, тактически для этого предполагаются районы Щецина или Колобжег-Дарлово, но если они исходят из чисто политических и пропагандистских соображений, возможна и высадка в Гданьском заливе, хотя этот район более удален и наименее выгоден...

– Из чего вы делаете такие выводы? – уточнил Андропов.

– План учений «Рефоржер-13» нам в общих чертах известен, Юрий Владимирович. Разумеется, официальная его часть. И этот план не предусматривает проведения каких-либо десантных операций – как обычно, запланирована переброска и развертывание американских частей двойного базирования в Западной Европе и отработка отражения возможного наступления войск Организации Варшавского Договора на центральноевропейском театре военных действий. При этом даже отработка отражения вражеского десанта этим планом не предусмотрена. Но на этом фоне в Дании наблюдается подозрительная военная активность. В портах

появились десантные корабли, отмечена переброска дополнительной авиации. Разведка также фиксирует прибытие и усиленные тренировки различных специальных подразделений и морской пехоты. Поскольку Англия сейчас ведет войну на Мальвинских островах, большинство дополнительных сил и средств представлено армиями и флотами США и ФРГ.

– Вы считаете – они не понимают, что на любые агрессивные действия мы будем реагировать жестко и всеми средствами? – задал генсек риторический вопрос.

– Президентская администрация США почему-то считает, что в Польше, несмотря на военное положение, назрела практически «революционная ситуация» – только поднеси спичку, и вспыхнет. И в этом президента Рейгана сейчас усиленно убеждает польское лобби в конгрессе, которое реальной обстановкой, похоже, совершенно не владеет. Они полагают, что им достаточно будет только высадиться, как польский народ тут же поднимет восстание, по типу венгерского 1956 года, а мы не решимся всерьез воевать с народом.

– Вы думаете, они всерьез так полагают? – уточнил Андропов с какой-то особой интонацией. Полковник при этом вспомнил, что генсек знает Венгрию образца 1956 года не понаслышке, поскольку был в это время советским послом в ВНР и все происходившее там видел лично.

– По-видимому, да, – продолжил офицер. – Хотя, похоже, их план такой: устроить на Балтике внушительную демонстрацию военных сил, спровоцировав тем самым очередные волнения в Польше, а уж потом действовать по обстановке. Если будут созданы все необходимые условия, они десантируются, если нет – вполне могут ограничиться тем, что просто поиграют мускулами и поскандалят.

– И какие действия, по-вашему, нам стоит предпринять? – спросил генсек, впрочем, понимая, что этот вопрос задан явно не по адресу. Просто Андропову было интересно узнать мнение неглупого человека, по сути, находившегося на самой передовой.

Собственно, об обстановке, нашем оперативном планировании и о том, что следует предпринимать, ему ежедневно (а часто и по несколько раз на дню) докладывали военные. Но смотреть на представленные обвешанными орденскими планками до пупа немолодыми генералами из Генштаба схемы, где Европа была исчерчена красными и синими стрелами встречных ударов, танки и самолеты считали тысячами, а расстояния, которые в 1944–1945 годах армии преодолевали за недели, предполагалось пройти за считанные часы, Андропову было довольно скучно, поскольку мыслили эти генералы и маршалы в основном категориями давно прошедшей Великой Отечественной войны – все эти «обходы с флангов», «создание численного превосходства на направлении главного удара» и прочее. В этих планах не было ничего принципиально нового, а в качестве ответа на ехидный вопрос Генерального секретаря – а что будет, если все-таки придется по полной задействовать наш стратегический потенциал, то есть ядерное оружие, генералы мрачнели, а на свет божий немедленно извлекалась другая карта, где вся Европа, европейская часть СССР и Северная Америка были густо разрисованы красными кружочками радиусов поражения при ядерных ударах. Эта карта, на которой буквально не оставалось живого места, неизменно вгоняла генсека в откровенную тоску. Если бы он только знал о том, что абсолютно аналогичные схемы сейчас разглядывали и в Белом доме, по другую сторону Атлантики...

– На этот вопрос, я полагаю, вам куда лучше, чем я, ответят военные, Юрий Владимирович, – вполне ожидаемо ответил полковник. – Насколько мне известно, у нас аналогичные мероприятия активно проводятся в рамках подготовки к очередным учениям «Щит-82», при этом генштабисты, помимо прочего, планируют и ответную десантную операцию.

– Какую именно? – поинтересовался Андропов. Он прекрасно знал все планы Генштаба, но ему в данном случае было интересно узнать о масштабах осведомленности этого контрразведчика и его личное мнение об этих планах. Генеральный секретарь считал, что свежий взгляд в подобных вопросах всегда полезен.

– Насколько мне известно, Юрий Владимирович, на случай полномасштабного конфликта в Европе наш Генштаб, кроме наступления на главном стратегическом направлении, то есть от Эльбы к Ла-Маншу, планирует десант в Дании с последующим установлением полного контроля над проливами Эресунн, Каттегат и Скагеррак.

– По-вашему, американцы не понимают, что полномасштабные боевые действия будут означать ядерную войну? – задал генсек еще один вполне риторический вопрос. – А ведь если все начнется всерьез – вся их столь ценящая свой личный комфорт и мало задумывающаяся о будущем западная цивилизация проживет ровно столько, сколько летит ракета от нас до территории США или Канады – минут тридцать-сорок, а Европа и того меньше...

– Это не мой уровень, Юрий Владимирович, – ответил полковник. – Но, по-моему, Рейган и его приближенные вынуждены считаться с такой возможностью. По имеющимся у нас данным, у Рейгана пять дней назад был на эту тему длинный и весьма неприятный разговор в Белом доме. Что характерно – в расширенном составе. Кроме политиков и военных, туда пригласили нескольких ученых, в том числе, например, профессора Гоулдхарда, который еще с 1960-х занимается моделированием возможных долгосрочных последствий глобальной ядерной войны. Если верить тем утечкам информации, которые уже были по поводу этого заседания, а точнее, тем обрывкам, которые просочились в западную прессу, и разговорам, которые имели место среди высших американских офицеров, Рейган был весьма озадачен теми «сложностями», которые может сулить ядерная война. Он явно колеблется и, несмотря на жесткую риторику, не готов нанести полномасштабный ядерный удар первым. Но при этом он считает, что и мы вряд ли нанесем такой удар первыми. То есть он очень надеется, что возможный конфликт вокруг Польши может не вызвать полномасштабной войны. При этом у них там, судя по всему, вновь нет единого мнения по этому вопросу. Западные военные эксперты, как обычно, нагоняют страху, завывая чуть ли не в разы наш военный потенциал. А генералы им не очень-то верят, считая, что, исходя из опыта арабо-израильской войны 1973 года и войны во Вьетнаме, мы подготовлены к войне явно хуже их.

– Интересное утверждение. Можно подумать, что они не проиграли во Вьетнаме...

– Они проиграли и признают это, Юрий Владимирович, но они помнят, что там с нашей стороны применялось не самое современное оружие, плюс говорят о больших людских потерях Вьетнама. Они склонны считать, что кое-где мы по-прежнему находимся на уровне Второй мировой, а они за счет своей широко декларируемой мобильности, превосходства в средствах связи и управления и прочего вполне способны выиграть. Естественно, в том случае, если конфликт будет иметь лишь локальные масштабы...

Генеральный секретарь ничего не ответил, осмысливая только что услышанное. Окинув взглядом помнивший многих вождей кабинет, с облицованными карельской березой стенами, портретом Ленина на стене и длинным столом с неизменной лампой под зеленым абажуром, на фоне которого невысокий контрразведчик смотрелся словно вызванный в кабинет директора школы проштрафившийся двоечник-младшеклассник, Андропов наконец сказал:

– Хорошо. А что там по вашим непосредственным делам?

– Материалы в папке у вас на столе, Юрий Владимирович. Но если в двух словах – западная агентура в той же ГДР за последние дни сильно активизировалась. Причем они уже не ограничиваются обычным шпионажем и наблюдением. Госбезопасность ГДР арестовала несколько человек, которые занимались разведкой бродов и детальным обследованием мостов в районе Висмара, Шверина и Пархима. При этом двое из арестованных проникли на территорию ГДР нелегально, а еще трое – под видом туристов. Удалось точно установить личность одного из задержанных – это кадровый офицер армейской разведки США, причем из подразделения специальных операций. А в районе Штральзунда нами было выявлено сразу несколько тайников. Кроме оружия, взрывчатки и другого обычного в таких случаях «малого джентльменского набора», в них было обнаружено несколько комплектов радиостанций, причем это оказалось

не привычное разведывательное оборудование, а станции, предназначенные специально для корректировщиков – наводить авиацию, управлять артогнем и прочее. Причем доставлены эти радиостанции в тайники недавно, в течение года максимум. Отмечается повышение интенсивности работы шпионских радиостанций в районе Берлина и Росток, появляются новые передатчики. Для борьбы с вражеской агентурой делается все возможное, но все-таки складывается впечатление, что со шпионажа они постепенно переключаются на обеспечение армейских операций...

– Понятно, – сказал генсек. – Благодарю. С материалами я ознакомлюсь в самое ближайшее время. Что вы намерены делать дальше?

– Как прикажете, Юрий Владимирович. Если руководство намерено каким-то образом переориентировать мою деятельность и деятельность моей оперативной группы – я готов...

– Да нет, Владимир Владимирович, переориентировать вас на какое-то другое направление никто пока не собирается. Вы нужны мне в прежнем качестве. Поэтому сейчас возвращайтесь в ГДР и продолжайте отслеживать ситуацию на месте. Особенно нас интересуют текущие оперативные планы НАТО. Понимаете, наши генералы и маршалы, как обычно, торжественно рапортуяют о том, что они готовы буквально ко всему и отразят любой удар, откуда бы он ни последовал. Некоторые из них вообще считают, что мы способны закидать НАТО шапками, как видно, забыв, что в 1941-м военное руководство Красной армии тоже докладывало о намерении воевать малой кровью на чужой территории и встретить Гитлера во всеоружии. А чем кончилось? Я лично видел подобное в октябре пятьдесят шестого в Венгрии. Тогда наши военные и КГБ до последнего момента тоже докладывали наверх, что они «контролируют обстановку», а потом коммунистов начали вешать на фонарях, и венгров пришлось вразумлять прямой наводкой, поскольку других средств не осталось. В общем, мне нужно, чтобы вы и ваша группа продолжали свежим взглядом оценивать ситуацию и на месте решать – так ли все там серьезно? Пока из ваших докладов следует, что нынешнее положение дел чревато войной, а принимаемые нами меры хоть и своевременны, но не всегда достаточны. Если возникнет нечто заслуживающее внимания – докладывайте мне лично, в любое время суток. Вам я доверяю абсолютно.

– Спасибо, Юрий Владимирович. Разрешите идти?

– Идите.

Глава 2. Два капитана и один майор

ГДР. Альтенграбов (восточнее Магдебурга). Место постоянной дислокации 61-го гвардейского танкового полка 10-й гвардейской танковой дивизии ГСВГ. 3 июня 1982 г. 7 суток до «момента ноль».

Иду я мимо наших типовых трех-пяти-шестиэтажек, по чистеньким улицам вечернего гарнизона «до дома, до хаты», то есть к себе, в офицерское общежитие. Устал, естественно, как собака. И вдруг слышу за спиной:

– Андрей! Трофимов! Ты это чего, друзей не узнаешь? Совсем забурел?

Оборачиваюсь, и точно, друзья-приятели нарисовались – капитаны Вова Журавлев и Мишка Каримов. Тоже комбаты, как и я, грешный. Называется – давно не виделись...

– Здрасьте, товарищи офицеры. Уже практически ночь на дворе, – отвечаю им. – А у меня в последнее время куриная слепота проявляется на почве переутомления, недоедания и общей слабости организма. В санаторий мне надо, отдохнуть-подлечиться. Но, поскольку отдыхать мне не дают, я вас сейчас в упор не вижу и опознать могу только по голосу или на ощупь...

Вообще-то это я, конечно, откровенно прикололся, поскольку летом темнеет поздно и на обсаженной липами улице стояла никакая не ночь, а так – легкие сумерки.

– Перетрудился, – усмехнулся Вова. – Совсем тебя заездили, товарищ майор...

Назвав меня по званию, он лишний раз подчеркнул, что я «забурел». Да оно и понятно, они оба – красавцы чуть ли не в парадной форме. Сегодня же суббота, и они, несмотря на повышенную боевую готовность, явно приятно проводили время с семьями. А я – провонявший соляжкой, в черном комбезе без погон на голое тело, с танкошлемом на ремне.

И не скажешь, что я офицер, пролетарий умственного труда, блин... Как говорится, у кого выходной день, а у кого и вечный парковый.

– Все вкальваешь? – спросил Мишаня.

– Все вкальваю.

– И как? Не надоело?

– А вот это не ко мне вопрос. Не дай вам бог такую же епитимью от начальства заработать.

– Так не фиг же на показательных стрельбах первые места занимать. Вот теперь и отработывай свое нежданное майорство. Тяжелы оказались звездочки?

– И не говори. Кабы знал – залег бы в санчасть с каким не то поносом...

Вообще это довольно длинная история. Еще во время прошлогодних учений «Запад-81» мне вдруг пришлось поехать на «Т-72». В приказном порядке, хотя, судя по всему, мы в ближайшие два-три года должны были постепенно перевооружаться с «Т-64» на «Т-80», про что в последнее время уже было столько разговоров. Ну, то есть как в приказном – в дивизию пришел эшелон новых, с иголки, машин прямо с завода. Их распределили по полкам, в том числе одну роту передали и в мой батальон и приказали срочно освоить. Цель этого непонятного мероприятия, как объяснили нам отцы-командиры, была довольно специфическая. Показывать вблизи во время маневров дружественно-иностранным гостям, особенно тем, которые только недавно с пальмы слезли, секретные «Т-64А» или тем более новейшие «Т-80» (а последние только-только начали поступать в некоторые части, и большинство личного состава их еще в глаза не видело) высокое начальство сочло совершенно недопустимым, по соображениям секретности. И выходило так, что если в наш полк в ходе учений вдруг захотят заглянуть эти самые «варяжские гости», их будут водить исключительно в то место, где будет действовать эта наша «маскировочно-показная» рота. Придумка была извращенная, но явно не от большого ума. Уж не знаю, было ли подобное проделано в соседних дивизиях, но высокое начальство тут явно рассчитывало на лишний экспортный эффект – все-таки «Т-72» показывают на Красной площади и уже поставляют за рубеж, мало ли что...

В общем, подрядили меня на это дело явно как заочника-академика (дескать, шибко умный, так пусть повышает квалификацию), да еще и с каким-никаким боевым опытом. И, при том, что, по идее, планировалось чисто показное мероприятие, я из этой роты еще до начала учений сделал реальное боевое подразделение, и на маневрах мы выступили успешно, получив отличные оценки. Благо «Т-72А» на фоне «Т-64А/Б» – машина простая и надежная. Кстати, никакие иностранцы к нам в гости для «близкого знакомства с техникой» так и не заявились, ну да и хрен бы с ними со всеми. Интересно было другое – после окончания учений к нам приезжала толпа каких-то продвинутых военно-технических чинов, которые придирчиво осматривали танки и больше всего интересовались эксплуатационными повреждениями машин разных типов. А меня заставили писать сверхподробный отчет, где требовалось вдумчиво сравнить «Т-72» с «Т-64». А чего тут сравнивать? «Шестьдесятчетверка» танк неплохой, за Эльбой у наших супостатов точно ничего подобного нет, вот только, как у нас говорят, «не для средних умов» – те танкисты, кому довелось пересесть на него с «Т-55» или «Т-62», меня поймут. А «семьдесят двойка» – изделие простое и надежное, как палка или автомат Калашникова, у меня на нем первогодки только что после учебки нормально ездили, без особых поломок и нареканий с моей стороны. А с «Т-64» почти во всем нужен определенный навык и опыт, о чем даже в руководствах по эксплуатации пишут. Кому-кому, а мне было с чем сравнивать, я в одной экзотической стране, было дело, даже на «Т-34-85» повоевал...

В общем, отчет я благополучно написал, секретные «спецы» уехали, и я решил, что, по логике, после окончания учений мы «Т-72» сдадим и когда-нибудь, чуть позже, будем помаленьку осваивать «Т-80», как и предписано по плану боевой подготовки. Но забирать у нас эти танки почему-то не спешили.

И тут под Новый год вдруг случилась внеочередная проверка боеготовности – зачетные, практически показательные, боевые стрельбы и вождение в присутствии лично главкома ГСВГ. За те без малого три года, что я прослужил в ГДР, такого на моей памяти не случалось ни разу.

Вообще-то наш комдив полковник Востриков к «внеочередной» проверке оказался вполне готов, поскольку решил заранее распределить роли в данном мероприятии. Выиграть (то есть показать заведомо отличный результат) должен был капитан Валерик Ардаширов, тоже комбат из соседнего 62-го полка, которому просто до зарезу требовалось продвижение по службе. В полку его не особо любили, поскольку был он человеком невеликого ума и прочих достоинств, но зато имел такую шикарную анкету, что хоть икону с него пиши (коммунист-ударник-отличник). А все родной папуля – генерал-майор из ГлавПУРа. После училища Валерик попал служить в Кантемировскую дивизию и за минимальное время преодолел там путь от сперматозоида до командира танковой роты. В ГСВГ он попал год назад, в основном ради соответствующей отметки в личном деле – мол, был отличным командиром батальона, на самом переднем крае противостояния с мировым империализмом. И было совершенно понятно, что, получив отличную аттестацию и благодарность командования, он тут же отчалит служить обратно к папе в Москву или, к примеру, поедет военным советником куда-нибудь «за бугор». Короче говоря, он – лучший в дивизии комбат, а мы все так, для мебели. Должны обеспечивать благоприятный фон для его отличной стрельбы.

Ладно, дошло дело до собственно мероприятия, то есть стрельб. И тут вся показуха нашего дивизионного начальства неожиданно и в одночасье полетела к черту. Сначала у них на трассе заглох «Т-64Б», а потом Валерины подчиненные вдруг начали позорно мазать по мишеням. И вроде экипажи у него были нормальные (плохих-то у нас тут вообще как-то не держат), второго года службы, не лучше и не хуже, чем в любом другом батальоне дивизии. Хотя случается в жизни и такое. Иногда. Возможно, просто был не его день, а возможно, политграмма и образцовая выправка – далеко не главные качества для комбата-танкиста.

А мои тогда отстрелялись более чем гладко. Более того, потом я узнал, что у нас вообще был чуть ли не лучший во всей дивизии результат – и по стрельбе, и по вождению.

В итоге главком, генерал армии Зайцев, вручил мне почетную грамоту и рекомендовал присвоить майорское звание досрочно. С этого момента, даже несмотря на последующую «проставку» по всем правилам и прочее, комдив, комполка и особенно замполиты (на которых явно сильно покровил батон могучий Валеркин папаша) смотрели на меня искоса (а временами так и вообще словно сквозь меня), да и двигать меня, новоиспеченного майора, на повышение было некуда, поскольку свободные должности отсутствовали в принципе. Я уже начал прикидывать, что таким макаром очень скоро смогу оказаться на «вышестоящей должности» где-нибудь в «загранично-благодатном» Кабуле или Улан-Баторе. Оно и понятно – танкисты везде нужны. Только я уже побывал в одной далекой и жаркой стране, где усвоил, что все-таки лучше быть комбатом в ГДР, чем командиром полка в какой-нибудь условно-экзотической дыре.

А пока суд да дело, в конце марта, когда в Польше началась полномасштабная заварушка, вдруг случилась и вовсе небывальщина – пришло несколько эшелонов новеньких «Т-72А», прямиком из Нижнего Тагила. Причем танки были основательно доработанные – с усиленной башенной и лобовой броней и противорадиационным надбоем на башне. Одновременно в нашу (и не только) дивизию пришли два приказа. Первый – все требующие среднего и капитального ремонта танки «Т-64» срочно отремонтировать, а те, которые невозможно оперативно починить на местных ремзаводах и рембазах, отправить на завод-изготовитель, то есть в Харьков. И второй – в каждом полку нашей и соседней дивизий, для начала, один батальон перевооружить на «Т-72», причем в кратчайшие сроки.

Естественно, в нашем полку для этого был выбран мой батальон. А «семьдесят второй» хоть и простой танк, но документация по нему у нас имелась далеко не вся, да и массовое переучивание на новый тип техники – это все-таки не одну роту подготовить. В общем, меня загрузили работой по самое не могу, как уже «имеющего опыт эксплуатации «Т-72»». При этом обязали еще и соседним полкам помогать, а также и коллегам-соседям из 7-й гвардейской танковой дивизии, по причине наличия того самого опыта.

Но к данному моменту, то есть к июню месяцу, я свой батальон довел практически до полной боевой готовности, тем более что в последнее время все жили в ожидании непонятно чего – после Польши так и не была отменена повышенная боевая готовность, постоянные тревоги следовали одна за другой – вскакиваем среди ночи, выходим-разворачиваемся-ждем. Потом отбой и возвращаемся. И так до бесконечности. И к чему готовимся – к войне или очередным большим учениям – хрен поймешь, поскольку командование помалкивает в тряпочку...

– Я-то хоть при деле, – ответил я Мишане. – Это вы все груши околачиваете, подкаблучники...

– Так за чем дело стало? – усмехнулся Вова. – Женись. И сразу почувствуешь, что значит счастье...

– Когда-нибудь всенепременно, но не здесь и не сейчас. Кстати, а вы, товарищи почтенные отцы семейств, не думали семьи на лето в Союз отправить? В глушь, в Рязань, в деревню...

– А чего они там не видели? – удивился Мишаня и уточнил: – А ты это вообще о чем?

– Да все о том же. До нашей Родины боеголовка хоть будет лететь какое-то очень условное время, а здесь чем-нибудь вроде «Першинга» или «Лэнса» накроет вообще мгновенно, даже труссы натянуть не успеешь, не то что, к примеру, в чистую простыню завернуться и до кладбища доползти...

– Не понял, – повторил несколько посерьезневший Мишаня. – Ты сейчас про что?

– Скажи еще, что у вас нет ощущения чего-то, скажем так, «предвоенного». Я-то целыми днями по делам мотаюсь или в парке у техники торчу и все вижу. Даже то, чего другие не видят или пока внимания не обращают...

– Например? – уточнил Вова, с которого, похоже, начинало сходить игривое настроение выходного дня.

– Например – понтонеры и разведчики уже месяц тренируются в форсировании водных преград, они в курилке жаловались, что их по этому делу уже задрочили до полного автоматизма. Сколько служу – никогда такого не видел, даже во время больших учений. Есть мнение, что их на форсирование Рейна натаскивают, никак не меньше. А вчера я в Магдебург ездил и там в штабе слышал – соседи-ракетчики получили с армейских складов спецбоеприпасы. Их ракетный подполковник говорил, что здесь такого не было даже в 1961-м, когда товарищ Вальтер Ульбрихт стенку построил...

– Какую стенку? – не понял Вова.

– Ту, которая поперек Берлина. Или ты думаешь, она была всегда, еще с времен Фридриха Великого? Только ты не про то спросил. Ракетчики говорили, что не сегодня-завтра то же самое выдадут и артиллеристам. Как вам такое?

– То есть ты хочешь сказать...

– Что, очень может быть, мы с вами этим летом поедем «в гости», куда-нибудь в Бонн или Гамбург, «по турпутевке». Вот и прикиньте, где лучше быть при таком раскладе вашим бабам и спиногрызам. Я, по крайней мере, своим предкам еще весной, когда поляки начали быковать по полной, отписал и отзвонился, чтобы они подкопили продуктов и, если что, сразу валили из родного Краснобельска в деревню к бабушке. А деревня от него километрах в трехстах, и первым ударом ее, ежели чего, точно не накроет. Так что думайте. А я пока пошел дрыхнуть. Мне завтра с утра опять вкалывать, несмотря на воскресенье...

Рассказывать им дальше про все то, что я видел и слышал за последние дни в окрестностях, не стоило. ГСВГ бурлила, как гигантский муравейник. Неразбериха и шумиха. Все бегают и воняют горелым вазелином, пузатые «боги войны» в надраенных сапогах и штанах с лампасами рывкают на старших офицеров, те срывают зло на ваньках-взводных, которые, в свою очередь, орут на сержантов и солдат. Обычная, в общем-то, вещь, всегда сопровождающая процесс боевой подготовки войск. Но при этом все без исключения части получали дополнительные боекомплекты и сухие пайки, требующая ремонта техника срочно чинилась, спецсвязь доставляла командирам запечатанные пакеты. Лично мне во всем этом не понравилось кое-что другое – начхемы массово меняли негодные ОЗК и противогазы на новые, а такого здесь не видел вообще никто и никогда. Выходит, предстоит нечто с предполагаемым атомным тарарамом и химией по полной программе? К тому же в разных частях начали появляться недавно выдернутые из Союза офицеры запаса, а это значило, что войска срочно пополняют. Уж не до штатов военного времени ли? Ой, как интересно...

И если кто в этой ситуации молчал – это замполиты. Нет, то есть на политзанятиях и партсобраниях они по-прежнему аккуратно пели о «происках поджигателей войны из НАТО и Пентагона» и их наймигах вроде «Солидарности», но как-то довольно вяло. Похоже, никаких мотивационных установок, объясняющих это перманентное повышение боевой готовности, у наших «политических шаманов» пока что не было. Хотя их можно было понять – совсем недавно померли сперва идеологический инквизитор дядя Миша Суслов, а за ним и сам Леонид Ильич, а какие приоритеты из области агитации и пропаганды были у «новой метлы», никто еще, похоже, толком не знал. Во всяком случае, команды принимать таблеточку от мааразма им пока не отдавали.

Лично мне это отчасти напоминало тот шухер, в котором я не так давно лично участвовал на Африканском Роге. Идет война. Стоим в паршивом городишке посреди пустыни. Комендант дал деру, разбежалась и большая часть гарнизона (а те, кто не разбежался, бос, одет в обноски и вооружен чуть ли не как в Первую мировую), а из Аддис-Абебы категорически приказывают – держаться любой ценой. А чем держаться? Пятью стоящими в кое-как отрытых окопах «тридцатьчетверками», которые боеспособны только потому, что при них остались мы, то есть советские советники и водители-инструкторы? Да и остались мы чисто случайно, только потому, что из-за начала войны вертолет не мог сюда долететь – над барханами косяками носились на

бреющем истребителе противника (кстати говоря, «МиГ-21»). Там вообще была сильно веселая война, поскольку один черномазый марксистский генерал вздумал напасть практически на собственную копию, только в чине полковника. А если валить оттуда наземным транспортом – это пару суток култыхать на «ГАЗ-69» по местной пустыне, притом что те же вражеские «МиГи» с удовольствием гонялись даже за одиночными автомашинами. А ПВО там была офигенно мощная – пара 40-мм «Борфоров» выпуска 1940 года, чьи расчеты не успевали даже как-то среагировать на приближение реактивного истребителя, не то что прицелиться. Прибавьте к этому тот факт, что никто толком не знал, где противник, поскольку не было ни нормальной разведки, ни связи с передовой, а телефон сразу же обрезали диверсанты. А за командующих – наш главный военный советник, который вообще-то по жизни был специалистом по ремонту бронетанковой техники и, не зная ни местного наречия, ни английского, материл местных вояк через переводчика, и местный председатель «ревтрибунала», который окончил три класса при какой-то тамошней христианской миссии и только и умел что «качать контрреволюцию», то есть без лишних слов и бумажной волокиты ставить к стенке. И из жратвы – только тушенка да бычки в томате, что мы привезли с собой (по жару «самое то», но на то, что хавали местные, даже смотреть было страшно, не то что есть), ладно хоть водяра нашлась... И как хочешь, так и войуй. И ведь воевали же и, что характерно, победили, по крайней мере по очкам. В общем, там я в полной мере понял, что такое 1941 год.

А вот по-настоящему не нюхавшие пороха Миша с Вовой явно делали из всего происходящего вокруг нас слегка неверные выводы, думая, что современные войны начинаются только тогда, когда большие дяди в Кремле отдадут соответствующую команду.

В общем, мы еще немного постояли, потом вяло распрощались, и я побрел дальше, глядя на электрический свет, зажигающийся за шторами окон офицерских квартир.

Нет, в любом случае мои дорогие приятели вряд ли почешутся и догадаются отправить семейства в Союз, уж больно приросли к здешнему комфорту. Да и начальство на них в этом случае наедет – дескать, «панику разводите». А сколько его нам осталось, того комфорта? Кто знает?

Глава 3. Те, кто на другой стороне-1

Авиабазы ВВС США. Рейн-Майн. ФРГ. 4 июня 1982 г. 6 суток до «момента ноль».

День был теплым и солнечным. От ВПП с сухим свистом и шелестом оторвалась дежурная пара «Фантомов», быстро набравших высоту и начисто исчезнувших среди редких облаков.

На стоянках, среди недавно приземлившихся транспортных самолетов, шла обычная деловитая суета.

Из чрева здорового бело-серого С-5А «Гэлакси» деловитые вояки в зеленых комбезах выводили и загоняли на трейлер прибывший, надо полагать, прямо из Штатов новейший танк М-1 «Абрамс» с зачехленной башней и развернутой дулом назад, закрепленной по-походному пушкой.

Из камуфлированного «Старлифтера» в сторону стоявших у пункта управления полетами зеленых грузовиков топала по бетонке ВПП цепочка морских пехотинцев. Облаченные в новенькую, недавно введенную камуфляжную форму солдаты заметно сгибались под тяжестью рюкзаков с навешанным снаряжением (каждый тащил на себе каску, бронежилет, винтовку «М-16» и полный комплект зимнего обмундирования и средств химзащиты) и ручной клади в виде оттягивающих руки обширных сумок.

Один из прилетевших, мордастый белобрысый парняга с сержантскими нашивками, спросил бредущего рядом здорового негра:

– Ну что, Сверчок, как оно тебе?

– На рейсовом было бы куда комфортнее, сержант, – ответил чернокожий, на губастой физиономии которого отчетливо проступали капли пота.

– Ишь, чего захотел! Провести весь перелет в мягком кресле, да еще чтобы стюардессы строили тебе глазки и приносили выпивку? Ты же не какой-нибудь долбаный турист, а морпех, способный терпеть любые лишения! Уже бывал здесь?

– Никак нет, сэр, я в Европе впервые...

Кликуха «Сверчок» прилепилась к этому солдату после того, как он в самом начале службы, стоя в наряде по КПП, поймал сверчка и, поднеся кулак с зажатым в нем насекомым к уху, с блаженно-дебиловатым выражением лица слушал, как оно там стрекочет. Разумеется, сержант застучал его за этим невинным занятием, факт которого был мгновенно обнаружен перед всем взводом. А вообще чернокожего звали Том Уайт (полное имя Томас Хесус Уайт), и, как и все прилетевшие в Германию этим бортом морпехи, он принадлежал к 108-му мотострелковому батальону 22-го экспедиционного полка морской пехоты из 2-й дивизии Корпуса морской пехоты США, постоянно дислоцированной в Кэмп-Леджен под Джексонвиллем. И своему собеседнику, сержанту Майлзу, он не соврал – нигде за пределами США он до сегодняшнего дня действительно не бывал.

Зато в Западной Европе когда-то побывал один из его предков. Дедушка Мартин был в свое время призван на Вторую мировую войну. Ну, то есть как призван – в конце 1943 года влип в серьезную историю. Пырнул ножиком (правда, не до смерти, но крови было много) такого же, как он сам, отморозка из соседнего, то есть конкурирующего, квартала, а потом умудрился сбежать с места преступления, при этом дав по морде патрульному копу. После этого дедушка, будучи в полном расстройстве чувств, поперся в местную баптистскую церковь, где авторитетный проповедник отец Йозапас (такое странноватое имечко у него было, поскольку, хотя отец проповедника и был родом с Ямайки, его мать происходила откуда-то из города Вильно в Польше и бежала оттуда от русской революции) спросил его: сын мой, ну подумай сам, положим, саму драку тебе по малолетке оценят года в два, а вот за синяк на роже копа светит уже лет пять, а оно тебе надо?

В общем, по совету отца Йозапаса Мартин Уайт скорым шагом отправился на вербовочный пункт US ARMY, предпочтя службу в армии полновесному сроку в тюрьме. Кстати, с тех времен в голове у дедули оставались еще кое-какие религиозные «тараканы» вроде привычки называть детей библейскими именами. В общем, в армии из Мартина сделали водилу, и полгода он честно крутил баранку военного грузовика, возя по маршруту «Большого красного ядра» от нормандских причалов к линии фронта продовольствие, ящики со снарядами и канистры с горючим. Однако ему пришлось и по-настоящему повоевать с «джерри». В начале 1945-го, после того как эсэсовцы надрали задницу 1-й американской армии во время «Битвы за выступ» в Арденнах, приказом Эйзенхауэра весь чернокожий вспомогательный персонал (всяких кашеваров, парикмахеров и прочих сапожников, шоферов и землекопов) из-за нехватки личного состава направили на пополнение боевых подразделений. Так покойный дедушка попал в пехоту и провоевал там несколько последних военных месяцев.

Как уж он там воевал, дедуля особо не распространялся, хотя успел получить пару медалек и заработать тем самым причитающуюся ветеранам войны небольшую пенсию. Правда, говорил, что именно там он научился стрелять и даже убил кого-то лично. Умение стрелять немного помогло ему в 1950-е, когда он поучаствовал в нескольких разборках с пуэрториканцами, вот только никакой выгоды из этого он не извлек (сам говорил, что если бы тогда был порасторопнее, сейчас владел бы баром или еще чем приносящим доход, но, увы, все надо делать вовремя).

Но при этом до конца своих дней дедушка любил рассказывать внукам, какое это было замечательное время, может, самое лучшее в его жизни. И только много позднее, когда Том стал постарше, дедуля внятно объяснил, почему война была для него столь замечательной. Оказывается, дедуля тогда в изобилии поймел белых женщин, чего ему и ему подобным в Штатах по жизни не светило ни до того, ни после. Старикан никак не мог забыть те свои похождения и с удовольствием вспоминал, какие классные были эти немки. Причем, как выяснил юный Томми, дедушка практически никого из них не взял силой (то есть во время войны было, но две-три, не больше). Зато сразу после победы (а дедулю демобилизовали только через полгода) доведенные до нищеты, вполне порядочные на вид немки охотно отдавались первому встречному, хоть негру, хоть индусу, за пару чулок, банку консервов из армейского пайка или пачку сигарет. Как видно, очень кушать хотели...

Нельзя сказать, что Том решил пойти в морскую пехоту только из-за этих охотничьих рассказов, хотя романтика дальних странствий все-таки играла здесь не последнюю роль, несмотря на то, что времена сильно изменились и перед глазами у него маячил и другой, куда менее радостный пример. Неизвестно, как воспринимал рассказы старого Мартина его сын, отец Тома, Соломон, но, когда его призвали на военную службу, он воспринял это известие с некоторым энтузиазмом – иначе в течение пары лет он, по примеру большинства приятелей и сверстников, подсел бы на наркоту и угодил за решетку. Тут прослеживалось полное сходство с отцовской биографией, только Соломон пошел в армию отнюдь не добровольно. Правда, радовался он явно зря, поскольку, попав в пехоту, потом отправился напрямик во Вьетнам. Как Соломон потом рассказывал сыну, эти косоглазые сайгонские шлюхи были очень классными (хоть потом и выяснилось, что чуть ли не каждая вторая из них служила в северовьетнамской разведке или Вьетконге), но никакая война борделями, увы, не ограничивается. Так или иначе, под новый 1970 год рядовой Соломон Уайт где-то на камбоджийской границе схлопотал метко выпущенную каким-то то ли вьетнамцем, то ли «красным кхмером» пулю из китайского «АК-47» в легкое навывлет. После подобного неформального общения с практикующими марксистами вся его жизнь закономерно пошла наперекосяк. Почти восемь лет отец Тома промыкался по госпиталям и больницам, пытаясь восстановить здоровье и перенеся пару довольно сложных операций. Но в итоге отказало сначала когда-то простреленное, а потом и другое легкое, и в последние несколько недель жизни дышать самостоятельно он уже фактически не мог.

Практически все полученные за Вьетнам «бонусы» он растратил на лечение и, уйдя из жизни, оставил жену с тремя детьми без особых средств к существованию.

Так что Том подался в морскую пехоту не ради экзотики или мести красным. Просто он, как и его поколениями жившие на пособие (и привычно считающие, что они по жизни не должны ударять палец о палец, поскольку проклятые белые господа им кругом задолжали за сотни лет рабства) предки, особо ничего не умел делать руками или головой (да и не стремился чему-то учиться, откровенно говоря). А для жителя черных трущоб Нью-Орлеана служба в армии, на флоте или в морской пехоте всегда была не самым худшим вариантом. Как говорится, было бы здоровье. Здоровьем его, в отличие от большого ума, бог особо не обидел, вот только, попав в морскую пехоту, он рассчитывал со временем попасть куда-нибудь на Гавайи, но оказался во Флориде, где прямо под боком эта долбаная Куба, а чуть дальше – Сальвадор и Никарагуа с их уже довольно долго тлеющими войнушками. А в последние несколько месяцев служба стала и вовсе невыносимой – к постоянным боевым тревогам и лазанию по уши в болотной грязи он уже немного привык, но когда это стали заставлять делать в противогазе и противохимическом комплекте, учения превратились в натуральную пытку. И переброска в Европу (как им объявили, на учения) показалась прямо-таки избавлением от вселенских мук...

– А я здесь уже два раза был, – гордо сказал сержант Майлз и добавил: – На учениях.

– И как тут у них, сержант?

– В целом неплохо. Вот только нам, прибывшим самолетом, может быть не особо комфортно.

– Почему, сержант?

– Раз мы прибыли на учения, нас наверняка разместят в каких-нибудь палатках. Сейчас, конечно, лето и можно жить. А вот зимой здесь вообще задница. Но, по-моему, парням из 109-го батальона, которые сейчас тащатся сюда на «Окинаве», повезло куда больше...

– Может, оно и так, сержант, – ответил Том. Но мысленно он поблагодарил судьбу. Не то чтобы его сильно донимала морская болезнь, просто он не любил тесных конур больших кораблей, когда вокруг тебя сплошное железо, а за бортом одна соленая вода, где вообще не видно краев и берегов. Почему-то океанский простор действовал на него исключительно угрожающе, и пару раз он с этим уже успел столкнуться. А поскольку в Атлантике много чего может быть, Том Уайт не особо завидовал тем, кто шел в Европу в составе оперативного соединения 4-го флота, на десантном вертолетоносце. И правильно делал...

Глава 4. Те, кто на другой стороне-2

Брюссель. Штаб-квартира НАТО. 5 июня 1982 г. 5 суток до «момента ноль».

Рассчитанный на то, чтобы в нем совещались и принимали по возможности умные решения два десятка человек, кабинет был просто роскошен. Но сейчас за этим длинным ореховым столом сидели лишь двое – только что прилетевший прямо из Вашингтона председатель Объединенного комитета начальников штабов США четырехзвездный генерал Дэвид Чарльз Джонс и недавно прибывший из Бонна полковник Джон Пирс, возглавлявший аналитический отдел при армейской разведке объединенного командования НАТО. Полковник был довольно молод, и его полевая зеленая униформа смотрелась на фоне парадно-синего (Джонс был генералом ВВС), увешанного орденами планками мундира собеседника довольно-таки плебейски. Приезд высокого начальства в Брюссель был вполне объясним – в Белом доме, похоже, уже окончательно запутались, поскольку последние воинственные заявления президента Рейгана по поводу Польши не очень стыковались с реальной обстановкой в Европе. При этом полковника Пирса генерал знал давно (тот входил в группу военных аналитиков, которые в свое время предсказали падение сайгонского режима и крах всех американских усилий в Камбодже) и имел все основания ему доверять.

– Так что? – спросил генерал. – Мне аккуратно докладывают, что здесь все идет по плану. Или есть проблемы?

– По какому плану, сэр? – уточнил полковник, видя, как насунилось при этих словах породистое чернобровое лицо генерала. – Президент все время без умолку говорит про то, что «марш к свободе и демократии отправит марксизм-ленинизм на свалку истории» и «коммунизм – это страшная глава в человеческой истории, последние страницы которой пролистываются уже сейчас». Но при этом от вас я вдруг узнаю, что он, при всем этом, не очень понимает, чего он сам хочет от «этих военных»...

– По нашему первоначальному плану, разумеется.

– Я и мои ребята считаем, что если сейчас мы высаживаемся в Польше – Советы ударят...

– Что значит «ударят»? Джон, вы не забывайте, что президент свято верит в то, что ядерную войну они первыми не начнут...

– Вера, сэр, это не та категория, которой стоит оперировать военным. Президент только провоцирует русских своими заявлениями и при этом «свято верит». На чем эта его святая вера основана, интересно знать?

– Русские все время болтают о разрядке и прочем. К тому же кое у кого в администрации президента есть мнение, что их новый генсек еще не вполне освоился на новом месте.

– Ну да, ну да. Лично я этих шарлатанов-советологов терпеть не могу. Получают немаленькое жалованье за то, что с разной степенью успеха морочат головы политикам всякой чужью, и рады стараться. Только они, наверное, опять забыли, что Андропов из Кей Джи Би. А значит – соображает явно больше своего больного и старого предшественника. Допустим, мечты нашего президента сбудутся и он не начнет ядерную войну сразу же. Но тогда Советы могут начать широкомасштабное наступление в Европе по одному из своих планов, которых у них, по моим данным, штук пять. А в этом случае неизвестно, что лучше – такое развитие событий или ядерный удар...

– Почему?

– Потому что за ними сохраняется весомое превосходство в обычных вооружениях. Вы же регулярно читаете мои, и не только мои, отчеты. Если не считать армии Восточного блока, по солдатам мы, местами, можем быть с ними примерно равны, но, к примеру, танков у них, по разным данным, много больше 10 000.

– А у нас?

– Вы же знаете. Две тысячи у нас, столько же у немцев, полтысячи у англичан плюс Дания, Бельгия, Голландия, канадцы и прочие. Как ни считай – все равно вполовину меньше. При этом быстро усилить нашу группировку новейшей техникой мы в случае войны не успеем, поскольку перевезти в военное время сотню-другую танков через Атлантику просто так не выйдет, да и ничего не решат эти две сотни танков. Та же примерно картина складывается и по самолетам...

– Джон, какой смысл судить по числу танков и стволов? Вон президент и вице-президент высказывают мнение, что у Советов с вооружением не так уж и хорошо...

– Интересно, на чем это мнение основано?

– На арабо-израильской войне 1973 года...

– Какое отношение могут иметь эти события девятилетней давности к возможной войне в Европе? Как будто кто-то из нас не в курсе, что эти чертовы арабы не способны толком планировать стратегические операции, а нормально воевать эти тактические импотенты не смогут, даже если им дать, к примеру, боевые лазеры или космические звездолеты из фантастических фильмов, которые так любит смотреть мой старшенький. Или президент считает, что большевики построятся колоннами и попрут на нас в штыковую атаку, как когда-то зулусы на англичан? Это господам из Конгресса, конечно, простительно думать всякую ерунду, но уж вы-то должны понимать, что русские – это не сирийцы и не египтяне...

– Хорошо, Джон, я вас понял. Так как вы вообще оцениваете весь этот план по поводу Польши?

– Вы имеете в виду операцию «Заря Свободы»? В каком именно аспекте я ее должен оценивать, сэр?

– Вообще военная перспектива у подобной операции есть?

– То, что я успел посмотреть по планам этой операции, сэр, лично у меня вызвало тоску. Акция поручена Корпусу морской пехоты и спланирована донельзя топорно и, я бы даже сказал, по-дурацки...

– Почему?

– Морпехи – это те еще стратеги. Они хотят загнать в Балтику десантный вертолетоносец и три или четыре универсальных десантных корабля поменьше с кучей кораблей прикрытия. Напомню, что там от шведского до польского или советского берега всего миль полтора, как от Кубы до Флориды. Берега буквально утыканы военными базами Советов, и, если начать высаживать десант всерьез, они способны перетопить наши корабли одной фронтовой авиацией и береговыми средствами, вроде противокорабельных ракет. Но у русских есть еще и довольно мощный Балтийский флот и многочисленная ракетноносная авиация. Какой идиот решил, что, если мы высадим десант, Москва ничего не будет предпринимать и у нас автоматически будет, к примеру, превосходство в воздухе? Кстати, еще ничего не началось, а шведы уже всю протестуют против того, что мы, видите ли, «нагнетаем напряженность», а немцы и датчане заранее недовольны прибытием дополнительных сил нашего флота в Северное море. Зачем этот десант вообще нужен, сэр?

– Президент пока склонен верить Валенсе. А он и его коллеги, как во время своих публичных выступлений, так и на закрытых встречах в узком кругу, все время заявляют, что, если мы высадимся, Советы ничего не успеют сделать. Клянутся, что в нужный момент, несмотря даже на военное положение, начнутся широкие народные выступления. Возможно, даже некоторые польские армейские подразделения сразу же перейдут на сторону народа...

– Перспектива – просто слезы на глаза наворачиваются от умиления, сэр. Жаль, что все это неправда.

– Вы так думаете, Джон?

– Я не думаю, а знаю. С марта месяца и до текущего момента их контрразведка выявила на территории Польши больше наших агентов, чем за предшествующие три года. А все, кто имеет отношение к «Солидарности», по моим данным, находятся под явным или негласным

наблюдением. Или уже сидит. А Валенса, сбежав из-за «железного занавеса», просто зарабатывает себе дополнительный капитал – ему же надо на что-то жить. Допустим, они, как обещают, организуют где-нибудь в Канаде «польское демократическое правительство в изгнании», но что это изменит в сложившейся ситуации? Не забывайте, что новый русский Генеральный секретарь был советским послом в Будапеште в 1956 году, и как давить подобные мятежи он, по моему, знает лучше, чем кто-либо до него. Это я к тому, что он, как вы только что выразились, «не освоился на месте». У него-то в случае чего точно рука не дрогнет. В любых вопросах...

– То есть русские войска в Польше будут использованы против народа?

– Вы что там, в Пентагоне, наши доклады совсем не читаете, сэр? Еще в марте при попытках нападения на русские воинские части в Польше их солдатам был отдан приказ открывать огонь на поражение. Только введение генералом Ярузельским военного положения спасло поляков от большой крови. Или кто-то в Белом доме продолжает всерьез думать, что, если им прикажут стрелять в народ (чужой, кстати говоря), они будут долго думать, согласовывать с Москвой, потеряют время? И в итоге они позволят нашим морпехам беспрепятственно высадиться где-нибудь в Данциге или около него? Русские уже наверняка готовы к этому. Да и польская армия, уверяю вас, сэр, не столь лояльна к нам, как это считает Валенса. То есть обещанные им народные выступления – фикция. Они только спровоцируют ужесточение полицейских мер. Вообще, по-моему, здесь слишком сильно мутят воду Лондон и Ватикан. У первых зуб на Кремль по поводу Польши еще с 1944 года, а вторые спят и видят, как бы устроить с нашей помощью крестовый поход за освобождение католической веры от насилия безбожной коммунистической тирании – Иоанну Павлу II после прошлогоднего покушения везде мерещатся заговоры, покушения, болгары и Кей Джи Би. А мы зачем-то идем у них на поводу, сэр...

– Это не мы, это президент. А если мы высадимся там с чисто гуманитарной миссией?

– Как вы себе это представляете? Вторжение на территорию суверенного государства, да еще и входящего во враждебный нам военный блок, – это однозначно война. Там же не Мексика, не Филиппины, Южный Вьетнам, Ливан или Пуэрто-Рико, а практически внутреннее море Советов...

– А если все-таки удастся высадиться и обойдется без большой стрельбы?

– Это кто так думает, сэр?

– Президент, естественно. Он считает, что вообще-то наша цель – провести свободные выборы в Польше, а потом можно и вывести оттуда войска. Для него важнее всего, что Польша выпадет из советской зоны влияния...

– Не смешите меня, сэр. Чтобы вывести откуда-то войска, сначала надо их туда ввести. Президент думает, что русские будут просто стоять и смотреть, как наши морпехи высаживаются в Польше, а потом организуют там выборы и прочее? По-моему, едва наш флот потащится через балтийские проливы, Советы просто заминируют все десантоопасные направления, и не только. Они и немцы это уже делали во время Второй мировой – после этого судходство на Балтике стало местами опасным, а местами просто невозможным. А если вообще все пойдет не так? Если никакой обещанной революции в Польше не будет, а Советы атакуют наш десант еще на подходе, а потом начнут наступление в Германии? В Белом доме, вообще, представляют себе все последствия?

– Там считают, что, если Советы окажутся готовы воевать всерьез, мы ограничимся лишь демонстрацией силы на Балтике. Якобы это будет заход наших кораблей в Балтийское море для учений с посещением портов Швеции и прочее. Президент имеет основание считать, что даже этого может оказаться достаточно для поддержки протестного движения в Польше и смягчения там полицейских мер.

– Крайне сомнительно, сэр. Все эти расчеты Белого дома, откровенно говоря, высосаны из пальца. Что нам сейчас даст очередная демонстрация флага? Это даже не окупит затраченное на операцию горючее. Те же немцы, а также шведы уже подняли вой по поводу того, что мы

толкаем мир к войне и прочее. Я бы вообще не советовал заранее отправлять флот на Балтику. Коли уж нам обещают революцию в Польше, там все должно быть хорошо спланировано и проведено, а до того десантные силы должны находиться в Дании и не давать никакого повода для провокаций. Только моих советов кто-то вряд ли послушается, как когда-то по поводу Сайгона и Камбоджи...

– Тут вы правы, Джон. Президент категорически заявляет, что нельзя допустить никаких наших потерь и прочего негатива...

– Здорово. В Белом доме решили провести крупную десантную операцию и обойтись без потерь? И это в Европе, когда против нас, как я уже говорил, вся военная мощь русских и всех их союзников? Даже у англичан на Фолклендах все сейчас идет, мягко говоря, не очень гладко, хотя, по идее, Аргентина считается заштатной страной третьего мира...

– Вот про это президент и говорит. Он недавно встречался в Белом доме с учеными, которые моделировали, в том числе и с помощью суперкомпьютеров, ядерную войну и ее возможные последствия. Все эти их рассуждения про ядерную зиму, невозможность одержать победу ни при каком раскладе и прочее, кажется, сильно напугали президента и убедили его, что начинать ядерную войну сейчас не стоит. По крайней мере – первыми...

– Сейчас не стоит, а что потом-то изменится, сэр? Как ни соревнуйся в быстроте нажатия кнопок, даже частичный ответный удар все равно будет иметь катастрофические последствия...

– Ну, не скажите, Джон. У президентской администрации есть одна очень хорошая и перспективная идея. Надо устроить широчайшую пропагандистскую кампанию по поводу того, что мы якобы намерены в ближайшие годы начать развертывание глобальной противоракетной обороны. Включая всякие там боевые орбитальные станции, спутники с лазерным оружием и прочее...

– Они это что – всерьез? Это же будет программа посерьезнее высадки на Луну – миллиарды, если не триллионы долларов и лет двадцать научных и инженерных работ. И результат будет отнюдь не очевиден...

– Да нет, никто не говорит об обязательном воплощении всего этого в металле. Важно, чтобы Советы повелись на эту «дезу» и начали тратить средства на ответные меры. В администрации считают, что в этом-то случае они точно надорвутся...

– Так все равно на это нужны годы. А также, желательно, доверчивые глупцы в Кремле. И я там таких, откровенно говоря, что-то не вижу. Мне интереснее другое – как президент собирается минимизировать наши возможные потери сейчас?

– Во-первых, он считает, что до нужного момента не должно быть никаких утечек в СМИ. Если наше телевидение вдруг начнет показывать подобное тому, что сейчас демонстрируют в Англии о происходящем на тех же Фолклендах – горящие и тонущие корабли, погибших солдат и всякие прочие ужасы, – избиратели его точно не поймут.

– С каких это пор его и вообще кого-либо волнует мнение избирателей?

– Президент не устает повторять, что собирается переизбираться на второй срок и это важно для него. А если вдруг случится даже ограниченная война, он заведомо превратится в политический труп.

– А если случится ядерная война – просто в труп?

– Не шутите так, Джон. Нам в Пентагоне сейчас вообще не весело. Как, по-вашему, можно этого избежать?

– Избежать чего? Войны? Проще пареной репы: оставить все как есть, пустить ситуацию в Польше на самотек, провести обычные плановые учения – и все на этом.

– Я имел в виду – избежать больших потерь, как людских, так и политических. Боюсь, что давать задний ход по поводу Польши в Белом доме уже не захотят...

– Тогда проблема не имеет решения. Мои ребята, конечно, просчитывают все возможные варианты, но кто даст гарантию, что ядерная война не начнется из-за какой-то ерунды?

– Что вы конкретно имеете в виду?

– Допустим, случись сейчас в Европе нечто похожее на войну, в соответствии с изложенной вами концепцией (то есть с применением обычных вооружений по максимуму и балансированием на грани ядерной войны) наши стратегические силы задействованы не будут. Поскольку их можно применить только один раз. Первый и последний. Это в Камбодже «В-52» буквально истыкали джунгли мелкими прудами и озерами, которые образовались на месте бомбовых воронок. А сейчас, в густонаселенных Германии или Бельгии, бомбить по площадям просто нет смысла, нас не поймут, поскольку там не забыли наши бомбежки времен последней войны, да нам этого никто и не позволит. Но ведь есть еще наши оперативно-тактические ракеты в Европе, а также атомные авиабомбы, ядерные заряды для артсистем и химическое оружие, которые находятся под местным командованием. И ведь там нет никакой эффективной «защиты от дурака» и генералы, среди которых полно не в меру воинственных или просто не блещущих умом личностей, имеют полное право применять их по своему усмотрению, если получают соответствующий приказ. А вдруг из-за Польши все начнется всерьез и последует приказ о повышении боевой готовности до «красного» уровня? Вдруг кто-то при этом неверно истолкует эту самую повышенную боевую готовность? Ведь со связью, если все вдруг начнется всерьез, будут большие проблемы. И представьте, что будет, если какой-нибудь не в меру ретивый или пугливый генерал прикажет ударить тактическим ядерным зарядом, скажем, по танковой колонне русских, а Советы в ответ на это выпустят по нам весь свой арсенал. Ведь реальное применение даже одного ядерного заряда – достаточный повод для полномасштабной войны...

В этом месте полковник замолчал, и в воздухе повисла тягостная пауза, во время которой каждый из них думал о своем. Генерал Джонс глядел куда-то мимо полковника, и по тому, что начальство старается не смотреть ему в глаза, Пирс понял, что генералу не просто хреново, а очень тяжело. Он не ошибся. Генерал мысленно почем зря крыл последними словами дорогого президента и прочих политиканов из Белого дома, которые, зачем-то уцепившись за очередную геополитическую химеру, нашли себе тем самым интересное занятие на какое-то время (генерал, как и многие в Пентагоне, вполне искренне считал весь этот «польский проект» чем-то вроде мазохистского рукоблудия) и совершенно не представляли, чем эти их игры с огнем могут закончиться. А кроме того, он в очередной раз понял, как тяжела доля полководца, который должен планировать крупную войсковую операцию, почему-то принимая за вводную чью-то ложную убежденность в том, что противник будет делать исключительно то, что от него ожидают, а наши собственные потери будут или минимальными, или их вообще не будет. То есть от него требуют начать войну в условиях, когда все планы состоят из одних «если», типа: «если поляки устроят революцию», «если мы высадимся», «если мы не высадимся», «если Советы начнут», «если Советы не начнут». Идиотизм и профанация... А полковник Пирс, который тоже слишком хорошо все знал и понимал, прикидывал, чем вся эта суета с непредсказуемыми последствиями грозит ему лично. Жена с двумя детьми – в Харрингтоне, родители – в Нью-Йорке, тесть и теща – в Бирмингеме, брат с семьей – в Олбани. Выстрелит один раз какой-нибудь идиот здесь, в Европе, – и что? Допустим, предупредить семью заранее получится, но дальше-то что? Сам полковник мог рассчитывать на то, что какое-то время отсидится в бункере одного из командных центров НАТО (если его, конечно, не испечет или не завалит прямым попаданием) в Бельгии или ФРГ, но им-то всем куда бежать в случае катастрофы? В глушь, в провинцию, поскольку укреплять подвалы и строить противоатомные укрытия среди американских обывателей (не считая отдельных параноиков) последние два десятилетия было как-то не модно? Так ведь и в американской глуши там и сям натыканы авиабазы, ракетные шахты и прочие секретные полигоны и антенны радарных станций, которые в случае войны,

по-любому, являются «целями номер один». Ведь если русские начнут всерьез – все, видимо, будет как на каких-нибудь учениях НОРАД. «Триста воздушных целей с северо-востока». Ну, нажмут кнопку в ответ – и что? Кому это что-то даст? Все равно в течение полутора часов 90 % населения США превратится в дым и прочие продукты горения, а выживание оставшихся будет носить исключительно случайный характер... От таких мыслей у полковника даже заболела голова.

– И как, по-вашему, можно этого избежать? – наконец нарушил молчание генерал, угнетаемый столь же погаными размышлениями.

– Никак, – ответил полковник предельно честно. – Ввести какие-то дополнительные коды и прочее нам все равно уже не успеть. А если командующие армиями или дивизиями будут самостоятельно принимать решения о применении подчиненных им ракетно-артиллерийских и авиационных средств, нельзя гарантировать, что это не приведет к ядерной войне, если будут атакованы цели на территории Восточной Германии или той же Польши – это одно. А если, к примеру, европейская часть России – Советы будут иметь более чем железный повод немедленно нанести ответный ядерный удар всеми наличными силами. Притом что до, к примеру, Калининграда в бывшей Восточной Пруссии самолеты тактической авиации с атомными бомбами вполне способны долететь. Необходимо хотя бы отчасти ужесточить существующие правила.

– Каким образом?

– К примеру, приказать, чтобы любые приказы о применении ядерного оружия выполнялись только после их подтверждения вышестоящим командованием. То есть приказ поступает исполнителю, потом следует запрос от него для подтверждения приказа, а уж потом – выполнение приказа.

– Это означает усложнение процесса принятия решений. Вся наша концепция быстрого реагирования полетит к чертям.

– А что делать, сэр?

– А если нервы сдадут у Советов?

– Уж у них-то, сэр, все это как раз излишне и, я бы даже сказал, до идиотизма, централизованно. Они без соответствующего приказа применять ядерное оружие точно не будут, вспомните хотя бы Карибский кризис...

– Хорошо, мы подумаем, что можно предпринять в этом вопросе. Постараемся учесть все это, но полной уверенности в успехе у меня, да и ни у кого в Комитете, все равно нет.

– И каковы сроки готовности к этой самой десантной операции, сэр?

– Оперативное соединение 4-го флота будет в полном составе в районе сосредоточения через шесть-восемь суток. Потом можно уже начинать планировать нечто конкретное. Но главное – действия поляков. Если Валенса и его приятели врут – все однозначно потеряет смысл...

Глава 5. Орлы и прочие соколы

ГДР. Аэродром Цербст (порядка 100 км юго-западнее Берлина). Место постоянной дислокации 35-го гвардейского истребительно-бомбардировочного полка 16-й воздушной армии ГСВГ. 6 июня 1982 г. 4 суток до «момента ноль».

Было около 5.00. Это очень раннее утро в полку начиналось, как обычно, в «летний период». С оглушительным ревом оторвавшись от полосы с креном в 80 градусов и пройдя над деревьями и соседним одноименным городком практически на высоте кабины торчащего на какой-то тамошней стройке башенного крана, ушел на разведку погоды «МиГ-23УБ». В прежние времена нехстати поднятый подобным шумом с постели комдив мог запросто лично примчаться для разборки с «нарушителями покоя» (простыми словами объяснив им, что тут Европа, а не какое-нибудь Приморье или «братская Монголия»), но сейчас это мало кого волновало. Момент был напряженный, и спало начальство нынче мало (если вообще спало), а подобные полеты на малой высоте, в свете последних событий, только приветствовались.

Впрочем, погода была практически идеальная – летай не хочу.

По краю ВПП в сторону штабных домиков неспешно топали два похожих друг на друга молодых мужика в офицерских фуражках с голубыми околышами и кожаными планшетами в руках – брюнет и блондин, одетые как и все здешние пилоты, в голубые полетные комбинезоны. Это были старшие лейтенанты Петр Щепкин (блондин) и Валерий Первомайский (брюнет) из 1-й эскадрильи. Надо сказать, что шикарную по советским меркам фамилию «Первомайский» предки Валерия приобрели во многом по воле случая. Вообще-то его дедушка в 1920-е годы именовался куда более непотребно, а именно – Евлампий Бздюлеев. И к тому же его тогда собирались брать «к ногтю» как подкулачника. По счастью, дедушка Евлампий оказался мужичком расторопным и, поскольку не хотел ни в колхоз, ни тем более отправляться на Соловки, воспользовался хорошим отношением председателя сельсовета и сумел вовремя сбежать в город (его родители к тому времени умерли, а других родственников на селе у него не оставалось), где тут же «перекрестился» (точнее, сменил свои «старорежимные» имя-фамилию на новые, «революционные» – Лев Первомайский, была тогда такая мода) и устроился разнорабочим на завод. Львом он назвался, разумеется, в честь тогдашнего «первого апостола революции» Троцкого, но через пару лет, по понятным причинам, стал утверждать, что это в честь писателя Льва Толстого, что тоже вполне прокатило, хотя и было неправдой. Щепкин подобной красивой историей похвастаться, увы, не мог, хотя его дед и был красным авиатором еще в Гражданскую, а потом довольно знаменитым полярным летчиком. Не таким, конечно, всенародным героем, как те, что спасали челюскинцев или забрасывали на льдину О. Шмидта и И. Папанина с его станцией «Северный Полюс-1», но тем не менее...

Сейчас они шли на инструктаж, который 1-й эскадрилье сегодня почему-то назначили ни свет ни заря, перед обычным предполетным построением. Щепкин и Первомайский были давние друзья, вместе окончили училище в Борисоглебске и, получив пять лет назад лейтенантские звездочки, также вместе, попали после окончания ВВАУЛ в 35-й ИАП. Сейчас эти двое были старшими лейтенантами и считались вполне опытными пилотами и командирами звеньев (прошлой осенью более 20 летчиков полка уехали по замене на Дальний Восток в составе подготовленных звеньев, а вместо них прислали не шибко подготовленных, в основном из ПВО, а тут еще как раз нехстати началась польская мутня). За неразлучность (кстати говоря, жены старлеев Валентина и Тамара тоже были близкими подругами) эту пару лейтенантов злобная повариха Люська из офицерской столовой (окончательно одуревшая от осознания того, что в Германию прибывают почти исключительно женатые офицеры и найти для себя приличного мужика ей здесь практически нереально) поначалу именовала за глаза «два друга – хрен и подруга».

А потом, три года назад, эта пара летунов прославилась на весь полк. Ребята вызвались перегнать с ремзавода в Кетене отремонтированный «МиГ-15УТИ» (это был последний год, когда несколько стареньких «утишек» еще использовались в полку, в основном для разведки погоды). Напросились они на это мероприятие исключительно из желания полетать на раритете (на «МиГ-15УТИ» им даже в училище не дали порулить – их там к тому времени уже сменили чешские «элки»). Ну, вообще-то аэродромы Кетен и Цербст по прямой разделяют всего-то 35 километров, но на их «МиГ-15УТИ» перед вылетом баки были залиты керосином под пробку, да еще и под крыльями висели полные ПТБ, а это было многовато для посадки после аж 8 минут полета. Произведя в уме какие-то сложные математические расчеты, героический экипаж попросил разрешения на «выработку топлива по кругу». Утюжили они на высоте пятиста метров довольно долго, но когда наконец надумали заходить на посадку, на третьем развороте двигатель «обрезало» из-за полной выработки топлива и они, предпочтя не испытывать судьбу, катапультировались. Потом ни один из них не смог толком объяснить, как это у них получилось и почему они «упустили момент». Может, оттого, что аппарат был непривычный для них и с минимумом приборов, – да мало ли еще почему? «Летчиков-героев» кисло поздравили с «вторым рождением», а известная песня Эдиты Пьехи «Огромное небо» и особенно строчка «а город подумал – ученья идут», всякий раз произносимая в их присутствии при большом стечении народа, неизменно вызывала хохот среди однополчан. Хотя сейчас в полку уже мало кто помнил про этот эпизод, за который их тогда, кстати говоря, серьезно не наказали (все равно менее чем через полгода все до одной «утишки» были списаны). Суровый замполит продлил обоим кандидатский стаж для приема в КПСС, а командование вlepило «героям» по выговору, что было не смертельно, но несколько портило анкеты.

Говорить приятелям, по случаю раннего подъема, особо не хотелось, и они шли молча. По краям полосы, в арочных бетонных укрытиях и возле них техники уже возились у их «МиГ-23М» (всего в полку было 54 боевых машины и 4 «спарки», считая ушедшую на разведку погоды, – всего 58 машин), покрытых не сильно однотипным желто-зелено-коричневым камуфляжем. Перекрашивали истребители из серо-голубых в пятнистые относительно недавно, в 1979-м, прямо на месте, в полку, по примитивным черно-белым схемкам со штриховкой; занятые малярными работами технари были натурами творческими, а зеленая краска, которой в гарнизоне красили еще много чего, вплоть до заборов, быстро кончилась – отсюда и разнообразие расцветок, вплоть до желто-коричневой почти «пустынной» гаммы. «МиГ-23М» новым типом в ГСВГ уже не считался (в части давно шли «МиГ-23МЛ» и «МиГ-27»), соответственно полк последние полтора года считался истребительно-бомбардировочным и отрабатывал в основном удары по наземным целям.

В завешанном схемами различных режимов полета и фигур высшего пилотажа тесноватом классе уже собрались почти все летчики 1-й эскадрильи. Многие откровенно зевали.

Инструктаж собирались проводить незнакомый подполковник в полевой форме и командир их 1-й эскадрильи майор Крутов. Он в свое время прославился тем, что в июне позапрошлого года, после пуска НУРСов в составе пары на Виттштокском полигоне, у него, тогда еще капитана и старшего летчика, вдруг упали обороты двигателя («шибко умная» автоматика привычно отсекла подачу топлива при пуске НУРСов для предотвращения помпажа двигателя, а потом отказала, зараза такая). Крутов терпеть не мог прыгать с парашютом и даже от обязательных по части ПДС ежегодных прыжков с «Ми-8» неизменно уклонялся, обязательно уступая это право кому-нибудь из любителей этого дела. В итоге он парил над полигоном без двигателя почти две минуты (четыре раза тщетно пытался запустить безнадежно сдохший двигатель, подробно докладывая об этом по радио откровенно перебздевшему руководителю полетов) и катапультировался только в момент, когда «МиГ» стал цеплять брюхом верхушки деревьев. Прибывший для расследования обстоятельств командующий настолько впечатлился грамот-

ными действиями капитана, что в итоге вместо нагоняя Крутов получил внеочередное звание, а чуть позже еще и повышение в должности.

Подпола в полевой форме с незапоминающимся лицом никто из летчиков раньше в полку не видел, но все обратили внимание, что эмблемы на его погонах были не авиационные, а общевойсковые.

– Может, какой особист по нашу душу? – шепнул на ухо другу Щепкин.

Первомайский на это только пожал плечами.

Самое интересное случилось чуть позже, поскольку никакого инструктажа в привычном понимании не было.

Незнакомый подполковник выдал каждому из пилотов полетную карту, заставив каждого расписаться за ее получение в толстой амбарной книге. После чего Крутов сказал примерно следующее: товарищи офицеры, вами сегодня получены карты района наших возможных боевых действий на случай критического обострения международной обстановки. Вам приказано карты внимательно изучить. Вся информация, нанесенная на них, секретная, – поэтому из расположения карты, упаси боже, не выносить, за утерю – трибунал со всеми вытекающими. Если обстановка изменится, карты будете сдавать точно так же, то есть лично и под роспись. Ну и далее все в том же духе.

– Опаньки, – сказал Первомайский, развернув выданную ему карту. Щепкин только при- свистнул.

Выданные всем летчикам 1-й эскадрильи карты были одинаковыми, но свежими. На картах была территория ФРГ, с нанесенными на нее конкретными целями и отметками максимального радиуса действия для машин их полка. И, что интересно, в районе «аэродромов противника» и других военных объектов были обозначены даже «шестеренки», обозначавшие эффективные секторы обстрела тамошней объектовой и армейской ПВО.

Такого никто из пилотов 1-й эскадрильи, да и 35-го полка в целом, не видел никогда до этого.

– Вот тебе, блин, и учения, – сказал Щепкин, уже когда они шли из класса на построение. – Выходит, неспроста мы последний месяц наземные цели на полигоне утюжим...

Вообще, узнав, что им намечены конкретные цели на территории ФРГ, пилоты удивились, но не более того. Хотя многие явно о чем-то крепко задумались.

– Да, это все больше похоже на войну, – согласился Первомайский и с надеждой добавил: – Но вдруг все-таки как-нибудь без этого обойдется?

Как потом оказалось – не обошлось...

Глава 6. Крылатая пехота

ГДР. Гарнизон Нойтимиен в р-не г. Бранденбург (25–30 км западнее Берлина). Место постоянной дислокации 3-й отдельной гвардейской Варшавско-Берлинской воздушно-десантной бригады специального назначения ГСВГ. 7 июня 1982 г. 3 суток до «момента ноль».

Рядовой Виталий Башмаков давно был полностью согласен с сослуживцами – эти бесконечные тревоги уже задолбали всех вконец. Для обычных плановых учений суматоха последнего времени была какой-то явно чрезмерной, поскольку, к примеру, внеплановые дополнительные занятия по немецкому языку и минно-взрывному делу были, на взгляд большинства десантников, явно лишними. Сейчас на слуху у всех была Польша, но коли уж она находилась у нас в тылу, там в случае чего скорее предстояло каких-нибудь «лесных братьев» отлавливать, а не мосты взрывать. Да и с кем там по-немецки разговаривать? С «польскими панями и псами-атаманами»? Но земляк Башмакова (они оба были из Свердловска, хотя до армии друг друга не знали и даже никогда не встречались), старший сержант Гена Шевелев, которому оставалось меньше полугода до дембеля (самому Башмакову оставалось служить еще почти год, практически как «медному котелку»), резонно считал, что на все это надо смотреть исключительно философски.

Он всегда говорил примерно так: раз уж мы попали служить в самую что ни на есть элиту Советской армии, да еще и в полусекретную часть специального назначения, – удивляться не положено, а то отцы-командиры и особисты нас быстро от этого отучат. Тем более тут у нас можно много чему удивляться, поскольку на учениях вполне может отрабатываться даже вертолетный десант на крышу бундестага в Бонне с последующим пленением федерального канцлера Гельмута Шмидта и президента Карла Карстенса. Да еще и во взаимодействии с «красноберетниками» из единственного в ННА ГДР 40-го парашютно-десантного батальона. По здешней специфике и это было бы вполне реальное задание, хотя оно было и не по профилю для бригады, в которой они служили. Опять же, говорил Гена, раз у нас идет сплошная боевая подготовка, значит, никто нас не заставляет красить заборы или заниматься строевой подготовкой. А пострелять на халяву – единственное великое счастье для советского солдата.

Башмаков с ним соглашался, хотя и не во всем.

Например, из-за этого аврального усиления боеготовности давно не было увольнений и ему не удавалось навестить свою немецкую подружку. История этих отношений была интересная, хотя бы потому, что военнослужащие бригады имели привычку ездить в увольнение в Берлин (благо недалеко, а Бранденбург хоть и интересный и вполне себе исторический городишко, но все-таки очень мелкий), но вот даже заговорить с какой-нибудь местной «медхен» не получалось ни разу и ни у кого. Может, потому, что «парадка», в которой десантники выходили за ворота гарнизона, была с красными погонами и мотострелковыми эмблемами. Разгуливать по ГДР в тельнике и голубой беретке категорически не рекомендовалось. Хотя бы потому, что СССР и ГДР вроде бы не собирались ни на кого нападать и объяснить наличие в тылу у Западного Берлина десантно-штурмовых частей политикам, в случае чего, было бы сложно.

Короче говоря, с той девушкой Башмаков познакомился в увольнении случайно, прошлой осенью. Увидел стоявшую на набережной Шпрее блондинку с довольно короткой модной стрижкой, которая явно о чем-то грустила, и, поборов страх и волнение (общение с местным населением особистами и замполитами не особо возбранялось, но и не приветствовалось), подошел к ней и попробовал заговорить. Башмаков хоть и на четверки, но все-таки худо-бедно окончил десять классов в спецшколе с немецким уклоном (а вот почему он потом, при поступлении в институт, проходных баллов не сумел набрать – это уже другой вопрос) и все надеялся хоть когда-нибудь применить свои языковые познания на практике. Собственно говоря,

без мало-мальского знания языка в подразделения вроде их бригады никого и не брали, да и непосредственно в части с бойцами продолжали проводить занятия по языку. Преподавателей было двое – жена начштаба бригады Укладова, приятная дамочка бальзаковского возраста, до отъезда в ГДР преподававшая немецкий в каком-то столичном вузе (здесь она, кстати, вела уроки немецкого еще и в гарнизонной средней школе) и бритоголовый капитан Ховрин из разведотдела (этот, похоже, был бывшим нелегалом, поскольку не просто в совершенстве шпыхал на языке Шиллера и Гете, но, как уверяли некоторые офицеры, вроде бы даже имел чистейшее баварское произношение, нюансов которого солдаты и сержанты на занятиях, по дурости своей, разумеется, абсолютно не улавливали).

Только их «солдатский» немецкий был, мягко говоря, специфическим – ведь девушке не скажешь: «проведите нас к ракетной батарее или радарной установке, если хотите жить», «есть ли впереди танки» или «где находится ближайший аэродром»...

Но, к взаимному удивлению, девушка поняла Башмакова, улыбнулась и ответила ему (а он, о чудо, понял, что она сказала – значит, не зря в школе двойки и единицы хватал, хотя, как он понял в процессе дальнейшего общения, лучше бы их в школе больше учили разговорному языку, а не мучили дурацкой грамматикой и переводами статей о дедушке Ленине или Эрнсте Тельмане из учебника или газеты «Neies Leben»; только советская школа всегда больше учила не языку, а некому абстрактному интернационализму, упирая на то, что гэдэеровцы – это совсем не те немцы, с которыми когда-то почти четыре года рубился не на жизнь, а на смерть дед Башмакова). Девица была модно одетая и довольно симпатичная, даже, можно сказать, «миленькая», по местным меркам (а среди немцев, как замечали все служившие в ГСВГ русские солдаты и офицеры, большинство составляли те, кого у нас принято именовать «страшненькими»), и звали ее, почти как одну героиню романа про трех мушкетеров, – Констанц Ренхард. В общем, девушку по имени Констанц чем-то привлек прилично говоривший по-немецки русский парень в военной форме, и они начали встречаться. Ну, то есть как встречаться – выходя из части в увольнение, Башмаков звонил ей из телефон-автомата на автобусной остановке, а затем пересекался с ней уже где-нибудь в Берлине. Иногда она, видимо, была занята (Башмаков знал, что она работает в комитете местного комсомола, а точнее – FDJ, на каком-то полиграфическом комбинате) и не брала трубку. В этом случае свидания срывались. Ну, то есть как свидания – обычно они гуляли по городу и разговаривали, пару раз заходили в кафешки. Констанц показывала Башмакову Берлин, а он, насколько хватало слов, рассказывал ей о себе (разумеется, опуская подробности своей армейской службы). Местные немцы, видя девушку, идущую рядом с русским солдатом, смотрели на нее не то чтобы укоризненно, но как-то не слишком одобрительно. Почему – Башмаков не очень понимал. Так или иначе, похоже, им было интересно общаться друг с другом и, возможно, между ними и возникла какая-то взаимная симпатия, хотя говорить о чем-то большем и не приходилось, несмотря на пошлые шуточки Генки и других коллег-сослуживцев. Во всяком случае, для Башмакова и такие невинные встречи были чем-то вроде «света в окошке». И вот – уже месяц их не выпускали в увольнение, и Виталий предполагал, что Констанц начала помаленьку забывать о его существовании.

– Нашел по кому сохнуть, – сказал как-то Башмакову грубый ефрейтор Леха Кузин. – Все равно она тебе никогда не даст, и вообще эта твоя Констанция Бонасье, поди, в здешней госбезопасности служит. Зихерхайст Динст, Эс Дэ. Только и ждет, когда ты ей начнешь про нашу бригаду что-нибудь интересное рассказывать, чтобы сразу тащить тебя в местное ЧК...

– И не говори, – вздыхал Виталий, после чего неизменно посылал Леху в известном направлении, присовокупив слегка переделанную строчку из народной частушки «Не ходите, девки, замуж за Алеху Кузина, у Алехи Кузина большая кукурузина!». Кузин на такие издевки не реагировал, поскольку уже давно убедился, что с фамилией ему по жизни не сильно повезло (хотя это еще как посмотреть, особенно если вспомнить, как дразнили того же Башмакова в детском саду и школе – и «Сапогом», и «Валенком», и «Тапком»)..

В общем, разведывательный батальон, гремя сапогами и навьюченным на себя смертоносным железом, в очередной раз выбежал по тревоге на плац и построился. Потом последовал приказ разобрататься по ротам, а потом распоряжение командирам рот – разойтись для получения боевых задач.

Они перестроились поротно и потопали в сторону учебного корпуса, где рота разделилась уже по взводам и разошлась по классам.

Их первым взводом командовал лейтенант с фамилией из недавно шедшего в кино по всему СССР фильма «В зоне особого внимания» – Тарасов. Правда, когда при нем поминали всуе сей «киношедевр», лейтенант морщился, как от чего-то кислого, тихо шипел и рассказывал, что с недавних пор этот фильм крутят в Рязанском воздушно-десантном (куда, как известно, конкурс похлеще, чем в МГИМО) абитуриентам перед началом экзаменов. А после просмотра товарищи офицеры включают свет и спрашивают: «Ну, хотите научиться так же?»

Сопляки, естественно, с энтузиазмом отвечают: «Да, конечно, хотим, даже очень!»

На что им, криво ухмыляясь, отвечают: «Тогда валите на «Мосфильм», мудаки, в ВДВ такой фигней не страдают! Мы здесь серьезным вещам учим!»

Правда это или нет, солдаты не знали, но все-таки были склонны верить взводному.

Вообще вокруг лейтенанта Бориса Тарасова был некий героический ореол – он был небольшого роста, молодой и загорелый, но с ухватками уже повоевавшего человека. Когда он разговаривал с другими офицерами, до Башмакова и других солдат долетали обрывки фраз и непонятных слов, типа «103-я воздушно-десантная», «Кабул», «Баграм», «Саланг», «Шахджой», «шурави» и т. д. и т. п. Про Афган ходило много слухов (сам Башмаков еще перед уходом в армию видел на кладбище в родном Свердловске пару свежих могил с поставленными явно за казенный счет довольно дорогими надгробиями – одному из покойных было 19 с небольшим, а другому 20 лет), хотя в телевизоре упорно показывали исключительно митинги, субботники и совместные футбольные матчи между советскими и афганскими солдатами, а о том, что там может быть что-то вроде войны, не говорилось вообще ни слова.

А однажды, на 23 февраля, когда Тарасов показывал капитану Куроптеву какой-то свой фотоальбом, Башмаков через плечо капитана успел рассмотреть пару страниц этого самого альбома. Запомнилось несколько фото – стоящая в капонире «АСУ-85», возле нее несколько человек в маскхалатах и панамах, включая Тарасова, позади них виден садящийся на фоне каких-то гор «Ан-12» и стоящие рядом «МиГ-21»; Тарасов в бушлате и ушанке на фоне «БРДМ-2» с какими-то усатыми, обмундированными в непонятную форму военными; и наконец – улыбающийся Тарасов, почему-то переодетый в местные гражданские штаны, безрукавку и головной убор вроде чалмы, но с оружием и патронташем на груди, в центре группы таких же вооруженных людей, одетых как местные дехкане (или басмачи?), но с типично славянскими харями. Что именно было на тех фотках изображено, Башмаков, естественно, уточнять не стал, а сам Тарасов рассказывал о себе и прошлой службе крайне мало и невнятно. Поговаривали, что он в первой волне высаживался в Кабуле, потом был в Баграме и где-то еще, провел на войне больше года, а потом по какой-то причине был переведен сюда. А еще он имел медаль «За отвагу», которую ему здесь категорически не рекомендовали носить из соображений секретности, и, кроме того, Тарасов был одним из немногих неженатых офицеров в бригаде. Считалось, что в училище он это дело не успел, а потом, да еще и на войне, ему было явно не до того...

Положив автоматы на столы, бойцы взвода расселись по местам и принялись поедать взводного взглядами.

– Так, – сказал Тарасов хмуро. – Больных, «губарей» и прочих отсутствующих нет?

– Никак нет! – отозвался Гена Шевелев, который был у них замкомвзвода.

– Тогда разобрататься по тройкам, – приказал взводный.

В классе последовало некоторое оживление, пока все рассаживались по-новому. Действия парами и тройками были одной из «фишек» бригады, принимая во внимание ее разведывательно-диверсионную специфику. На случай чего они даже отрабатывали проникновение на территорию ФРГ мелкими группами и в «гражданке». Кстати, Башмаков был в одной тройке с Шевелевым и Кузиным. Правда, основные тренировки в бригаде обычно проводились все-таки в составе взводов или отделений.

– Так, – сказал Тарасов, осматривая свое воинство. – Хорошо. Надеюсь, все вполне осознают, что именно нам предстоит?

– Так точно, – ответил нестройный хор голосов из-за парт.

– Конечно, не факт, что поначалу мы будем высаживаться именно тройками, – уточнил Тарасов. – Вполне возможны действия в составе роты, взвода, отделения или группы. Но нам надлежит быть готовыми буквально ко всему.

– Так мы же, товарищ лейтенант, до этого все больше как раз в составе взвода или отделения тренировались, – высказался за всех Шевелев.

– Вот и замечательно. Подготовка у вас вполне всесторонняя, а значит, вполне сможете по месту ориентироваться, в том числе и полностью автономно.

– Это как? – спросил всегда не вполне понимающий с первого раза сложные русские слова младший сержант Гаджикасимов.

– Автономно, – пояснил взводный, – это когда связи нет вообще и у вас есть только конкретный приказ, а командиров, кроме старшего группы или тройки, вокруг нет. Понятно говорю?

– Так точно, – ответил вроде бы понявший со второго раза Гаджикасимов.

В этот момент в класс без стука вошел ротный, капитан Нагорный. Все немедленно вскочили, но он со словами «вольно, вольно, орлы», подошел к Тарасову, отдал ему какие-то бумаги и карту, после чего удалился. Взвод вопросительно смотрел на закрывшуюся за ним дверь, пока взводный разглядывал бумаги и принесенную карту.

– Так, – сказал наконец Тарасов. – Все ясно, это неправильные пчелы, и мед они тоже делают неправильный...

Взвод замер, переваривая эту цитату из Винни-Пуха и ничего не понимая.

– Это вы в каком смысле, товарищ лейтенант? – осторожно высказал тревожившую всех мысль сержант Портнов. – Что-то случилось?

– Да это я так, сержант, мыслю вслух, – ответил Тарасов и добавил: – Штабные, как обычно, торопятся. Вот только сами не знают куда... – И тут же спросил: – У командиров троек карты с собой?

– С собой, – нестройно ответили те.

– Тогда командиры троек – на первые парты.

В классе опять начались передвижения.

– Карты местности все изучали? – спросил Тарасов, когда все устаканилось и командиры троек выложили карты из своих планшетов на столы перед собой.

– Да, – нестройно ответили сержанты.

– Не «да», а «так точно», – уточнил взводный.

– Так точно, – согласились командиры троек.

– Тогда смотрите сюда, – сказал Тарасов, разворачивая на столе принесенную ротным карту.

Сержанты склонились над ней.

– Вопросы есть? – спросил взводный.

Даже сидевший на второй парте Башмаков сумел рассмотреть, что карта была привычная, ФРГ, им именно такие недавно выдали, но с какими-то свежими отметками.

– Отметки с этой карты перенесите на свои, – приказал Тарасов сержантам. – И давайте побыстрее...

Командиры троек послушно полезли в планшетки за карандашами.

– А что это за пометки, товарищ лейтенант?

– А это наши старые знакомые, – пояснил Тарасов. – Циферкой 1 помечены места дислокации дивизионов и батарей оперативно-тактических ракет «Лэнс», циферкой 2 – склады и хранилища атомных и химических боеприпасов, циферкой 3 – военные аэродромы. Сейчас командиры троек быстро переносят эти отметочки на свои карты, а остальные сидят и слушают.

Сержанты вооружились карандашами и взялись за дело.

– А что за срочность, товарищ лейтенант? – спросил, высказав опять-таки общую мысль, Генка Шевелев, не отрываясь от карты.

– Это положение наших потенциальных целей за последнюю пару суток. Те, что обозначены синим, не передвигаются, то есть предположительно или на огневых позициях, или это стационарные объекты типа складов или аэродромов, те, что обозначены зеленым, перемещаются. Главные уточнения, если что, будут непосредственно перед выброской. Но в любом случае по ним, если будет приказ, мы и будем работать.

– А он будет?

– Чего не знаю, того не знаю, спросите что-нибудь полегче. В любом случае за нас подумают и решат. А если все отменится, карты у вас заберут за ненадобностью. Кстати, все, что вы на этой карте видите, строго секретно – имейте это в виду...

– А как будем действовать? – спросил Портнов, увлеченно рисуя на своей карте кружочки и циферки синим карандашом.

– Вот это точно решится в последний момент. Скорее всего, нам предстоит высадка на той стороне с вертолетов. Хотя может быть и работа под гражданских, с предварительным проникновением. Остальное легко предположить. Ищем то, что нас больше всего интересует. Что можем, уничтожаем сами, если нет – наводим нашу авиацию или, к примеру, тактические ракеты.

– А шанс уцелеть у нас при этом есть? – поинтересовался Шевелев. – Ведь если атомной бомбой шандалахнут, мало не покажется...

– Не шандалахнут, сержант. Ядерное или химическое оружие задействуется только в качестве ответной меры на аналогичные действия противника.

– Точно?

– Что еще за вопросы? Прямо как на базаре! Предварительно – да. Да и нам комбриг на инструктаже про то же говорил.

– Ну, раз комбриг, тогда, наверное, правда, – согласился Шевелев.

– А что делаем дальше? – спросили сержанты через несколько минут, когда отметки о целях благополучно перенеслись на их карты.

– Если разобрались с картами, дуем на склад, получаем боекомплекты, сухие пайки и прочее и топаем на плац. В течение двух часов запланировано наше выдвижение в район сосредоточения.

– Уже? – удивился за всех Портнов.

– Да, уже.

– Все настолько плохо?

– Все, как всегда, бойцы. Если будет приказ – одно, не будет – другое. Всем, конечно, хочется, чтобы приказа не было, но мы же ВДВ, а не бог знает что... Все, выходите строиться. Времени мало...

Глава 7. Те, кто на другой стороне-3

ФРГ. Авиабазы Гютерсло (Северный Рейн – Вестфалия). 8 июня 1982 г. 2 суток до «момента ноль».

Серо-зеленые «Харриеры», оглушительно свистя двигателями и поднимая облака пыли, один за другим опускались на ВПП и тут же резво отруливали вправо, где под маскировочными сетками были развернуты стоянки, разгороженные панелями гофрированного железа камуфляжной раскраски.

Сдвинув фонарь кабины назад и сняв кислородную маску, комэск 3-й эскадрильи RAF сквадрон-лидер Питер Доннел втянул ноздрями воняющий горелым керосином воздух и в очередной раз констатировал, что что-то тут не то.

Отстегнув привязные ремни и выбираясь из кабины, по оперативно закрепленной на борту хмурым сержантом лесенке (техник был совершенно незнакомым, «свой» техсостав должен был прибыть сюда транспортным самолетом только завтра), комэск все больше осознавал, что он сам и его подчиненные ждали чего угодно, только не этого. Особенно его в этом убеждали развернутые неподалеку от ВПП пусковые установки ЗРК «Рапира».

Их коллеги из 1-й эскадрильи сейчас бомбили Порт-Стэнли и несли при этом потери. Дома у Доннела хранилась фотография, сделанная два года назад на авиашоу в Фейфорде. И он точно знал, что один из шести широко улыбающихся на этом снимке пилотов «Харриеров», Поук из 1-й эскадрильи, сейчас плыл домой на борту госпитального судна с тяжелой компрессионной травмой позвоночника после не особо удачного катапультирования, а от самолета еще одного – Аронсайда, на берегу бухты у Гуз-Грин нашли только сильно помятый ПТБ...

Поэтому когда 3-ю эскадрилью срочно отправили на переформировку и доукомплектование, а потом на завод Бритиш Айроспейс в Кингстоне для ремонта и пополнения матчасти, можно было закономерно предположить, что очень скоро им предстоит очень дальний и сложный перелет с дозаправкой в воздухе до забытого богом острова Вознесения, а оттуда – тяжелый путь в трюме какого-нибудь транспорта через «ревушие сороковые». Ну, или сразу долгое плавание в Южную Атлантику.

И вот вместо тундры Фолклендов сегодня их «Харриеры» садились на аккуратную немецкую ВПП среди европейской летней зелени, где абсолютно все было новым и несло на себе печать нетронутости. Покрытие из металлических полос, которыми выкладывались стоянки самолетов, сияло чистотой, покрывавшие металлические стенки капониров разводы камуфляжной краски были глянцево-свежими, и даже развернутые над самолетами маскировочные сетки выглядели явно не обмятыми. Похоже, саперы подготовили эту площадку к базированию их эскадрильи буквально накануне.

Все это было вроде бы и неплохо, но на обычные, пусть даже и очень большие, учения окружающее походило все меньше.

Отправка 3-й эскадрильи в Германию изначально проводилась в обстановке перманентного аврала. Боеприпасы для полигонных тренировок на боевое применение поступали прямо с заводов, а не как обычно, со складов. Ну, это еще можно было бы понять, учитывая продолжавшуюся войну за эти самые острова у черта на куличках. Куда интереснее было другое – их самолеты оказались оснащены даже лучше, чем те, что воевали сейчас в Южной Атлантике. Так, два «Харриера» GR.3 3-й эскадрильи были оборудованы для подвески контейнера системы постановки активных помех «Скай Шэдоу», а на еще двух машинах стояла система отстрела тепловых ловушек. В остальном из 15 (шестнадцатой была «спарка» Т.2) их «Харриеров» GR.3 лазерный дальномер имели 12 машин, а три оставшихся по конфигурации не отличались от ранних GR.1, поскольку их, похоже, откопали то ли с консервации, то ли с завода фирмы, из числа дорабатываемых и модернизируемых машин (Доннел подозревал, что это

вообще могли быть какие-то экстренно доработанные прототипы), то ли вообще собрали из ремкомплектов. Что делать – страна вела войну и техники явно не хватало. Не хватало и летчиков – из шестнадцати пилотов 3-й эскадрильи шестеро были резервистами, выдернутыми из запаса по случаю войны с Аргентиной, и в их боевых качествах комэск откровенно сомневался.

Мало что изменили в этом смысле и тренировки «в условиях, приближенных к боевым». Интересно, что на полигоне в Англии эскадрилья почему-то упражнялась в основном в ударах по танкам и прочим малоразмерным целям. Именно тогда пилоты начали понимать, что Фолкленды им вряд ли светят. Поскольку откуда у аргентинцев, спрашивается, танки или мехколонны? Но, с другой стороны, ведь утвердил же кто-то наверху именно такой план боевой подготовки, а значит, генералы, видимо, знали, что они делают...

Покинувшие кабины пилоты, в своих серо-зеленых противоперегрузочных комбезах и ярких шлемах, поначалу напоминали каких-то существ из другого мира. Но уже через минуту шлемы были сняты и «инопланетяне» стали похожи на людей.

– Ну что, командир, – сказал подошедший к Доннелу ведомый, флайт-лейтенант Майк Рот, огненно-рыжий нескладный молодец с длинной угловатой физиономией. – Вы наконец осознали, что на войну мы, похоже, все-таки не попадем?

– А что – кто-то из вас в этом сомневался?

– Ну ведь сначала все вокруг только и говорили, что мы – пополнение против Аргентины.

– «Все» – это кто? Кто именно говорил?

– Ну, эти, на заводе. Да и какие-то военные чины из министерства обороны, которые приезжали на завод три недели назад, болтали о том же самом...

– Черт возьми, Майк. И когда вы наконец перестанете слушать бредни этих штатских хмырей или штабных крыс? Те, кто тогда приезжал, по-моему, были какими-то интендантами, а если они и употребляли в разговорной речи слово «война» или «театр боевых действий», то это вовсе не означало, что это относилось персонально к нам. Мне они, наоборот, проели плешь, все время говоря про учения. А если нам говорили об учениях, значит, мы могли оказаться где угодно, вплоть до Норвегии...

При упоминании Норвегии Рот только присвистнул. Он уже пять лет прослужил в ВВС и неоднократно лично побывал на маневрах в этой северной стране. Соответственно, он знал не понаслышке о том, что на проходивших там регулярно учениях ежегодно гробилось немало пилотов НАТО, и это касалось не только тех, кто летал на «Харриерах», убивались и сами норвежцы, летавшие на «F-104» и «F-5». Ну да, походи попробуй нормально полетать с тамошних узких и обледенелых ВПП, да еще когда вокруг тебя поросшие лесом гранитные стены фьордов, ледники, озера и свинцовое море, в котором после катапультирования проживешь минуты три (говорили, что возле Фолклендов морская водичка не сильно уступает норвежской в плане температуры и прочего)...

– И вообще, – продолжил Доннел. – Наш сегодняшний перелет в Германию очень хорошо стыкуется со всеми этими нашими противотанковыми тренировками. Как раз здесь, на больших маневрах, нам это вполне может пригодиться...

– Ну, мы те еще противотанкисты, – понимающе усмехнулся Рот и добавил: – Вопрос – а почему именно мы?

– Не факт, что только мы. Мало ли кого еще сюда перебросили и еще перебросят. Не считайте, что у нас сейчас переизбыток техники, да и ударных самолетов в RAF не так уж много, не забывайте, что идет война. А если что-то глобальное случится здесь, первую скрипку, видимо, будут играть немцы, у которых полно ударной авиации, или американцы, а вовсе не мы...

Почти машинально говоря все это и устало шагая по полосе к сборным домикам аэродрома, возле которых торчали покрытые свежим темно-зеленым камуфляжем радиомашин и «Лендроверы», Доннел, кажется, вполне понимал, зачем здесь нужны именно они.

Основной положительной особенностью «Харриеров», ради которой их и проектировали в 1960-е и которую неизменно учитывали все эти паршивые умники в штабах, была та самая «вертикальность», т. е. возможность взлетать и садиться без разбега и пробега. Все видели многочисленные картинки и кинокадры, на которых «Харриеры» взлетали вертикально прямо из лесной чащобы, на фоне каких-нибудь елок или сосен. Считалось, что если Советы первым ударом разнесут все ВПП, «вертикалки» уцелеют и смогут базироваться где угодно, хоть на шоссе, хоть на тех самых лесных полянах, и оттуда наносить противнику «существенный урон». Это тоже многократно отрабатывалось на многочисленных учениях и считалось, по крайней мере теоретически, выполнимым. В 1960-е кое-кто из военного руководства НАТО даже порывался заменить всю боевую авиацию на СВВП. К счастью, им не дали этого сделать экономический кризис, противоречия внутри военного блока, а также сложность и дороговизна СВВП по сравнению с обычными самолетами.

Правда, при всем при этом любой пилот, который сейчас летал на «Харриерах», точно знал, что на чисто вертикальный взлет тратится слишком много горючего, а это снижает радиус действия и боевую нагрузку. Хотя здесь, в Германии, далеко летать особо не требовалось. Было известно и то, что в плане эксплуатации «Харриер» вовсе не подарок и мало соответствует полному самохвальству рекламным проспектам в гляцевых авиационных журналах. Тот же Доннел знал, что, к примеру, американцы за десять лет интенсивной эксплуатации, с 1970 по 1980 год, расколотили вдребезги не менее 39 из своих 102 «AV-8А», и ведь не на какой не на войне, а в авариях и катастрофах. Притом что летчики они не самые плохие. И нельзя сказать, что в RAF или Royal Navy с этим обстояло сильно лучше. И опять-таки хорошо попадать корректируемой бомбой или НАРами в списанный танк-мишень на полигоне, который не двигается и не прикрывается никакими средствами ПВО. А попробуй атаковать с малых и предельно малых высот настоящую колонну танков в условиях, когда по тебе будут палить сотни стволов и запускаться ракеты...

От таких мыслей Доннела невольно передернуло. Но если ставка опять делалась на сверхмобильность и вертикальный взлет, значит, им всем предстояло нечто большее, чем ежегодные блоковые маневры? А если не маневры – то что? Последние события вокруг Польши насторожили многих, но чтобы они вот так, запросто, вызвали войну?! По крайней мере, сам Доннел считал это очень сомнительным. Честно говоря, воевать особо не хотелось ни ему, ни его подчиненным, поскольку все знали о том, что Восточный блок хорошо вооружен и многочислен. А на фоне настоящей войны с русскими в Европе нынешняя борьба за далекие острова приполярной зоны показалась бы детской игрой в войнушку...

Глава 8. Дан приказ ему на Запад

СССР. Калининградская область. г. Балтийск. Место постоянной дислокации 336-й гвардейской Белостокской, орденов Суворова и Александра Невского бригады морской пехоты КБФ. 9 июня 1982 г. 1 сутки до «момента ноль».

Летний день медленно клонился к вечеру, на воде лежали солнечные блики, с Балтики привычно дул пахнувший солью и рыбой ветерок, кричали чайки. Так что время для объятий было вроде бы подходящее, а вот место – увы. Постольку-поскольку происходили эти самые обнимашки в закрытой, «военной» части порта.

У обшарпанных бетонных стенок причалов, видимо, помнивших еще Гитлера, а то и самого кайзера Вильгельма, а также на рейде стояли серые силуэты боевых и не очень кораблей, а чуть в стороне, у боксов и на подъездных путях, в живописном беспорядке стояла бронетанковая техника бригады морской пехоты. Время от времени один-два навьюченных воздуховодными трубами, спасательными кругами и прочими морскими причиндалами (неведомыми простому армейскому танкисту) «ПТ-76» с нанесенными на бортах военно-морскими флажками или более солидных «Т-55», выпускали струи сизого солярового дыма из выхлопных труб и, оглушительно взрывая моторами и лязгая гусеницами, медленно уходили вдоль пирса – там у самого берега стояли два больших десантных корабля с открытыми носовыми воротами и опущенными сходнями для тяжелой техники. Танки задним ходом заезжали в трюмный полумрак и надолго затихали там. Еще вчера поступила команда грузить тяжелую бригадную технику на десантные суда, вот танковый батальон и ишачил в поте лица.

И на фоне всего этого окрашенного в защитный цвет железа, а также матерящихся и суетящихся мужиков в ребристых шлемофонах и грязных комбезах, чуть в стороне, у вечно заперттого склада ЗИП, принадлежащего силам охраны водного района, торчала, словно вывалившаяся из какой-то другой оперы, обнявшаяся парочка в военной форме. Они стояли и, словно в последний раз, влюбленно смотрели друг на друга – высокий парняга в сапогах и черной форменке морпеха с лычками младшего сержанта и девушка в туфлях, берете и темно-синем форменном платье с погонами старшего сержанта. Девушка была очень красивая, и форма ей удивительным образом шла.

Со стороны недалеких боксов на них с явным интересом пялился в бинокль некий конопатый хмырь в сдвинутом на затылок танкошлеме и тельняшке на голое тело, удобно устроившийся за широкой крышкой открытого люка на башне «ПТ-76». Но они его, похоже, не замечали, а он, как ни старался, не мог определить по губам, о чем же именно говорит эта парочка, хотя догадаться было, в общем, нетрудно.

Младшего сержанта звали Дмитрий Вилемеев, и физиономия у него была, пожалуй, слишком интеллигентная для морпеха. А сейчас на этом самом лице вдобавок было излишне много беспокойства. То ли оттого, что он драпанул сюда с «самоподготовки» (в последние дни им зачем-то приказали изучать по разговорнику, поскольку специалистов-переводчиков не было, датский язык, хотя бы в объеме, позволяющем читать дорожные указатели), то ли от предстоящего расставания.

– Да ты не бойся, я ненадолго, – утешала его старшая сержантша. – Мы же в Ленинград за новым оборудованием, туда и обратно, уже завтра или послезавтра вернемся.

– Да я и не боюсь, – отвечал он, прекрасно понимая при этом, что не знает, где может оказаться через день или два.

Девушку звали Наталья Шевердякова, но для Димы она уже давно была «Наташа» или «Наташенька». А если точнее – первая и на данный момент единственная любовь.

Собственно, и этой их встречи могло не быть, хотя они и служили в одной бригаде. Так уж оно в один прекрасный момент получилось, хоть Дима и подозревал, что на флот Наташка пошла именно из-за него.

Можно сказать, что любовь тут была давняя, еще со школы, когда драки на переменах и дерганье за косички в младших классах плавно переросли в провожания-обнимания в старших классах. С этой самой любовью их родители поначалу активно боролись, а потом плюнули и смирились. Ну, то есть не то чтобы смирились. Просто сочли, что у Димы, которого Наташины родители по сей день считали полудурком (ни профессии, ни нормальной работы, и вообще ни кола ни двора, а туда же – одна любовь на уме!), рано или поздно кончится любовный запал, а их Натаха найдет себе кого-то поприличнее. Ошиблись...

Жили возлюбленные в Питере, в Автово, в соседних домах, и планы дальнейшей совместной жизни у них тоже были давними. Вот только человек предполагает, а жизнь располагает.

Отличником в родной школе писавший довольно приличные (по мнению друзей-приятелей и знакомых девушек) стихи законченный романтик Дима не был, а его родители были простыми работягами без связей, считавшими, что сыну тоже стоит пойти по рабочей стезе, в какие-нибудь инженеры. Только особой тяги к железкам, сопромату и начертательной геометрии у него до обидного не наблюдалось, и в итоге Дима попытал счастья, сунувшись на филфак университета (а куда еще столь поэтической натуре податься?). Правда, как оказалось, там таких, как он, «лириков» хватало – конкурс, постные рожи экзаменаторов, которых больше интересовали не стихи, а даты очередных партийных съездов и прочая ерунда, вроде литературного наследия В.И. Ленина. Короче говоря, он не поступил, а когда его призвали в армию, решил использовать это время с максимальной, как он полагал, пользой. Правда, тут пришлось использовать влияние Наташкиного папаши, который то ли действительно помог, то ли просто мелко отомстил воздыхателю. Так или иначе, Дима оказался в морской пехоте Балтийского флота. Разумеется, он, как и многие, хотел в воздушный десант, но, как ему объяснил в военкомате толстый красномордый подполковник, ВДВ – не помойка и кого попало в эти чересчур разрекламированные войска не берут. А Дима, хоть и не был Гераклом, все-таки имел наглость полагать, что он себя тоже нашел отнюдь не на помойке и не в абортарии (хотя сержант Стеценко, регулярно заставлявший его драить очки в сортирах родной «учебки», усиленно, но, как оказалось, тщетно убеждал его в обратном).

А когда, уже после этой самой «учебки», Дима попал в Балтийск, оказалось, что Наташа уже служит в их бригаде на узле связи. Что творилось в голове у этой девушки, не смогли до конца понять даже родные отец и мать. Иначе с чего вполне успешно поступившая в Политех дочь вдруг, сдуру как с дубу, перевелась на заочное и, устроив папе скандал, собралась идти служить. Да не куда-нибудь, а на флот. Папа понял, что пороть ее уже поздно, и неохотно посодействовал любовному порыву упертого чада, определив дочь поближе к вероятному кандидату в зятя, в 336-ю бригаду связисткой.

В первый раз увидев Наташку в родной бригаде, Дима понял, что любовь все-таки есть и это страшная вещь, заставляющая людей порой делать странные и даже необъяснимые шаги. А еще он понял, что возлюбленная все-таки дождала своего сурового папулю. А он у нее был не хухры-мухры – контр-адмирал Семен Алексеевич Шевердяков был замначальника тыла ДКБФ. И единственную дочь любил, хоть иногда и весьма своеобразно.

Интересно, что на флоте Наташа сделала более удачную карьеру, чем Дима. Он-то был обычным стрелком, а она уже через год стала старшим сержантом и из просто связистки превратилась в серьезного спеца по части радиоэлектронной борьбы и радиоперехвата. Настолько серьезным, что ей даже предложили делать офицерскую карьеру в этой области, о чем она пока раздумывала. А Дима в это же время не поднялся выше младшего сержанта, хотя и был у отцов-командиров на хорошем счету. Ему тоже предлагали потом продолжить военную карьеру, но

при этом его уговаривали пойти по стезе политработы (замполит, кстати говоря, и уговаривал), а Диме все, что связано с идеологией, поднадоело еще в школе. Поэтому особого интереса к этим уговорам он не проявил, тем более что армейская или флотская служба не сахар, что у солдат, что у политработников...

Единственная радость состояла в том, что они были рядом и часто виделись, а от дальних командировок, типа нудных боевых служб в Атлантике или Средиземном море, Диму миловал бог, а вернее всего – будущий тесть.

То есть миловал до недавнего времени. А сейчас – увы. Постоянная боевая готовность удручала, к тому же Диму нервировали разговоры о перемещениях родного подразделения. В последнюю неделю только и говорили, что о возможной переброске бригады в Польшу или ГДР, а вчера эти слухи получили подтверждение – тяжелую технику начали грузить на суда.

А раз так – расстаться они могли надолго и момент следующей встречи было очень трудно предугадать.

Хотя, по молодости лет, в неизбежность следующей встречи Диме охотно верилось, а вот перспектива большой войны его как раз не очень впечатляла.

– Ладно, давай прощаться, – сказал он, обнимая Наташку. – У меня через двадцать минут самоподготовка заканчивается, а потом сразу на построение. А ведь еще надо успеть добежать.

– Давай, – сказала Наташа, по глазам которой было видно, что расставаться она не хочет.

А надо...

– Ну, до свидания.

– До свидания, Димочка. И не бойся, если что, я тебя найду. По крайней мере в радиоэфире. Позывной узнаю...

– Твои бы слова, милая, да богу в уши.

– Береги себя.

– И ты.

На этом они поцеловались и разошлись.

Конопатый танкист с биноклем довольно лыбился в своем люке, поскольку этой лирической сценой он был вполне удовлетворен.

Глава 9. Война, где всегда тишина

ФРГ, г. Ганновер. Район Оберклинген. 10 июня 1982 г. Менее суток до «момента НОЛЬ».

Вполне обычный летний день медленно шел к концу. Закатное солнце за окном освещало красные черепичные крыши старых кварталов, возвышающиеся над зеленью аллей и парков, и высветляло торчащие на фоне неба черные шпили кирх и соборов.

В уютной квартире на шестом этаже приглушенно гундел телевизор. Жизнерадостный диктор в очередной (в который уже за последние несколько месяцев!) раз довольно нудно и казенно повторял официальный текст о совсем не жизнерадостных вещах – возрастании напряженности, событиях в Польше и антивоенных демонстрациях. Его информация сопровождалась видеорядом с перевозимыми на автотрейлерах американскими танками, толпой каких-то демонстрантов с антивоенными плакатами в руках, взрывами авиабомб среди руин жилых кварталов Бейрута, залом заседаний бундестага и «говорящей головой» американского президента Рейгана, в очередной раз обещавшей «стереть коммунистов в порошок».

Когда новости сменились прогнозом погоды, сидевший в кресле перед телевизором коротко остриженный невысокий мужичок лет тридцати с небольшим с мужественным и в то же время незапоминающимся лицом, в гавайской расцветки шортах и футболке с какой-то полустершейся рекламной надписью, привстал с места и выключил «ящик».

Сделал он это очень вовремя, поскольку буквально через минуту на лестничной площадке послышался стук каблуков, а потом лязганье замка входной двери и шаги в прихожей.

Через минуту в комнате появилась красивая молодая особа лет двадцати пяти или около того, в сером деловом костюме, с узкой юбкой и на шпильках. Крашенная блондинка, лицом, фигурой и продуманно-неряшливой прической чем-то похожая на все больше набирающую популярность английскую певицу Ким Уайлд. Женщина скинула туфли, отшвырнув их в угол прихожей небрежным движением ноги, и сняла жакет, оставшись в белой блузочке с кружевным воротником.

– Как сегодня? – спросил мужчина, не оборачиваясь.

– Да как обычно, – ответила женщина, продолжая медленно раздеваться.

Мужчина встал и вдруг ни с того ни с сего включил стоявший на тумбе у книжных полок музыкальный центр «Nakamісі», сразу же прибавив громкость. Раздевшаяся до нижнего белья женщина с некоторым удивлением уставилась на него. Мужчина явно поставил первую попавшуюся кассету – из динамиков звучал альбом «A Broken Frame» от «Depeshe Mod». А уж она-то точно знала, что поклонником этой группы он никогда не был.

– Ну вот что, – сказал мужчина, неожиданно и резко переходя с немецкого на русский, подходя к ней поближе. – Сегодня была отдана команда о возможном переходе к активным действиям.

Стягивавшая трусики женщина посмотрела на него как-то по-особенному, но это продолжалось ровно секунду, до того момента, когда она облачилась в короткий домашний халатик из шелка цветочной расцветки.

Эти двое были диверсантами-нелегалами ГРУ и жили здесь, в Ганновере, уже четвертый год, по мере возможности изображая семейную пару. Впрочем, публично демонстрировать супружеские отношения здесь требовалось нечасто, западные немцы, в большинстве своем, были людьми консервативными. По документам они были супругами Хейгабель, Фридрихом и Урсулой. Он числился автомехаником в одном местном автосервисе «Фольксвагена», она была сотрудником авиакомпании «Люфтганза» – пару лет отлетала стюардессой на ближневосточном направлении, а сейчас работала в здешнем представительстве этой компании. На самом деле их звали Иван Ермолин и Ольга Смылова. Она – старший лейтенант, он – капитан, и

были они специалистами весьма широкого профиля, как и все подобные им боевики в этой «конторе».

В спокойные недавние времена у подобных им «засланцев во вражеский стан» работы по основной специальности было не особо много – активные диверсии все-таки подразумевают какую-никакую войну. В основном, до сего момента, они содействовали местной советской и восточногерманской резидентуре, например в переправке через границу различных людей и грузов. Приходилось участвовать и в силовых акциях, но последних было не так уж и много, всего пара эпизодов за неполных четыре года, да и назвать их силовыми акциями, достойными офицеров ГРУ, ни у кого язык не поворачивался. Поскольку оба раза под видом несчастных случаев убирались «коллеги» – боевики из местных «красных бригад». Один, было дело, присвоил крупную сумму денег, а другой вдруг начал много болтать, ставя тем самым под угрозу деятельность своего куратора – сотрудника разведки ГДР. В итоге один был очень кстати сбит грузовиком, а машина второго качественно впечаталась в ограждение автобана – тормоза отказали, бывает...

Приходилось заниматься и агентурно-разведывательной деятельностью. Например, год назад московское руководство вдруг сильно озаботилось возможным размещением на границе ГДР и ФРГ ядерных фугасов. Советская и гэдээровская агентуры буквально рыли носом землю, но результат оказался разочаровывающим. Публикации о ядерных фугасах, проскочившие в западногерманской прессе, оказались «дезой», похоже, оплаченной местными «зелеными» и социал-демократами, – и тем и другим требовались лишние очки на предстоящих выборах. А в остальном вся эта идея, вполне вероятно, была «утечкой информации», спланированной американской разведкой, в том числе и в целях изучения общественного мнения на этот счет. Как выяснилось, правительство ФРГ санкции на размещение подобного оружия на своей территории вообще не давало и не обсуждало этот вопрос, командование бундесвера на все, что было связано с ядерным оружием, всегда реагировало крайне нервно, а если американцы и вели какие-то земляные и прочие работы, то это носило явно экспериментальный характер.

И вот сейчас, похоже, начиналось то, ради чего они тут, собственно, и торчали все это время.

– Когда и каким образом поступили ценные указания? – спросила Ольга-Урсула.

– Обычным порядком. Ко мне на работу зашел связной.

– Кто именно?

– Манфред.

– Н-да, тогда это действительно серьезно. Продолжай.

– После этого мне пришлось быстро уйти с работы и взять несколько дней отпуска за свой счет по семейным обстоятельствам. Я сразу же тебе в офис позвонил. Но там сказали, что тебя нет на месте.

– Все правильно. Я сегодня в аэропорту была, решала проблемы с дополнительными рейсами в период летних отпусков... Так когда все ожидается?

– Судя по всему, в ближайшие дни или даже часы.

– Вот даже как... Выходит, что – война?

– Все может быть.

– Что ты успел сделать?

– Ты не бойся, я уже обзвонил и свою и твою группу.

– Хорошо. Раз так – когда я со своими встречаюсь?

– Через три часа в кафешке у автостоянки на Гроноштрассе. Мы еще вполне успеем поужинать.

– Что сообщили по задачам?

– Манфред передал пакет. Чуть толще обычного. Вот задачи твоей группы. Интересно, что мосты и взлетные полосы предписывается беречь, а спецсредства, судя по всему, применять не собираются.

И он протянул напарнице пару листков.

Женщина с интересом их просмотрела и усмехнулась:

– Понятно. Все знакомо. Но если основная установка именно такая, значит, наши собираются наступать. Вооружаемся, надо полагать, по плану, из наших тайников?

– Да, а дальше, если все начнется всерьез, будем пользоваться арсеналами «коллег» и трофеями. Поскольку однозначно предписано оставаться в тылу противника как можно дольше. Ну а остальное тебе и так известно.

– Известно. Берем всех своих?

– Да, всех.

Вопрос был не праздный, поскольку русскими здесь были только они двое. Остальной личный состав их групп составляли местные ультралевые (как правило, лица с практически анархистскими убеждениями или адепты почти святого, по их понятиям, Че Гевары) либо эмигранты с Ближнего Востока (в основном палестинцы), большая часть из которых давным-давно была или завербована разведкой ГДР, или сотрудничала с ней. Кое-кто имел опыт городской партизанской войны на Ближнем Востоке. Собственно, побывали в Бейруте и лжесупруги Хейгабель (под видом летнего отпуска в Греции), тоже получив там неоценимый опыт. Публика в группах была специфическая, местами довольно мутная, но им можно было доверять, поскольку все они давно и осознанно сделали свой выбор и сейчас жили в основном на нелегальном положении, по чужим документам. И дело свое они знали хорошо – круче них в Европе сейчас, наверное, были только ирландцы из ИРА – те ребяташки, что подсовывали англичанам бомбы в Ольстере...

Дальнейшее фальшивые муж и жена делали уже практически автоматически. Ольга-Урсула сделала звонок своему начальству и, сказавшись больной, отпросилась на ближайшие 2–3 дня. Потом они наскоро поужинали.

А через два часа лжесупруги Хейгабели вышли из дома, разными путями (он через парадный выход, она – через располагавшийся под домом подземный гараж), одетыми не броско, походному (джинсы-кроссовки-майки), и отягощенными вместительными спортивными сумками. В сумках были стволы, кое-какие документы и вся хранившаяся у них в квартире наличность. Они разошлись в разные стороны, чтобы очень скоро встретиться вновь, но уже в составе полнокровных диверсионных групп.

До поры до времени рассчитывая на лучшее, они не могли знать, что до начала боевых действий остаются считанные часы...

Глава 10. Те, кто на другой стороне-4

ФРГ. Авиабаза Ягель. Шлезвиг-Гольштейн. Ночь с 10 на 11 июня 1982 г. Менее полутора часов до «момента ноль».

На стоянках и рулежках вокруг ночной ВПП, освещенной лучами многочисленных прожекторов, шла обычная для тренировочных полетов суэта. Проезжали туда-сюда разнообразные спецмашины и джипы. Со свистом и ревом выруливали на старт, взлетали и садились очередные пары немецких и американских истребителей, в небе мелькали разноцветные огни БАНУ и пламя, извергаемое форсажными камерами двигателей. В отдалении, почти в полной темноте, безмолвно крутились антенны радаров.

Чуть в стороне, возле арочных укрытий, техники готовили к вылету пару камуфлированных в три цвета «Фантомов» – «F-4E» из 81-й тактической истребительной эскадрильи 52-го тактического авиакрыла ВВС США, часть которой была пару недель назад переброшена сюда из Шпандаглема. Данная эскадрилья была одной из двух в ВВС США, использовавших помимо обычных «Фантомов» заточенные на борьбу с вражескими РЛС «Уайлд Уизлы» модификации «F-4G». Сейчас снятый с производства почти три года назад «Фантом» уже не считался последним словом техники, но в качестве универсальной боевой (и особенно ударной) платформы этот ветеран Вьетнама еще вполне превосходил разрекламированные сверх всякой меры новейшие «F-15» и «F-16». «Иглы» начали поступать в части три года назад, а «Файтинг Фалконы» – только в прошлом году, и пока что самолеты этих типов не были избавлены от всех свойственных новой технике «детских болезней», их было мало и, что самое главное, они еще не имели серийных ударных модификаций, оставаясь «чистыми» истребителями. В популярных авиационных журналах в последнее время много и восторженно писали про то, что израильтяне на «F-15» и «F-16» буквально пачками валили и продолжают валить сирийские «МиГи» над долиной Бекаа, но никаких особых подробностей в прессе приведено не было, и оттого эта информация вызывала у знающих людей определенный скепсис. В общем, пока новая техника не стала по-настоящему массовой, становым хребтом ударной мощи тактической авиации НАТО оставались все те же «Фантомы» и «Старфайтеры». Последние были основой ВВС ФРГ, и базировавшаяся здесь, в Ягеле, 1-я эскадра морской авиации Бундесмарине в ближайшее время готовилась частично сменить их на новейшие «Торнадо», которые считались более чем перспективными ударными машинами. Но первый серийный «Торнадо» эскадра должна была получить не ранее чем через месяц, а на массовое переучивание у этой части ушло бы никак не меньше года. Именно поэтому немецкие «моряки» продолжали уютить небо на старых и, увы, недобрых «F-104G», имевших давнюю и прочную репутацию «летающих гробов» и «фабрики вдов».

Между тем к самолетам подъехал джип с двумя американскими экипажами. Плотно занятые своими делами техники не обратили на прибывших пилотов почти никакого внимания. Едва летчики покинули машину, как из темноты выскочил второй, ярко отсвечивающий фарами джип, за рулем которого сидел начальственного вида человек в полевой форме со знаками различия подполковника ВВС США. Погасив фары и заглушив двигатель, высокий чин вылез из своей таратайки и направился напрямик к летчикам. Недавно прибывшие пилоты-резервисты еще толком не запомнили в лицо командира своей 81-й эскадрильи Стивена Уитакера.

– Смирно! – скомандовал руководивший техниками рослый мастер-сержант. Техсостав вытянулся по стойке «смирно» там, где стоял, то же сделали и державшие в руках свои гермошлемы летчики.

– Вольно, парни, вольно, – отмахнулся подполковник, и техники без лишних слов продолжили работу.

Пилоты между тем разглядывали приехавшее начальство и свои машины. Подполковник был невысок, плотен и еще не стар, а его насуспенная физиономия даже в неровном свете аэродромных прожекторов выглядела донельзя сурово и где-то даже хищно.

– Так, – сказал подполковник значительным тоном, подходя ближе. – Второй лейтенант Бакстон, первый лейтенант Симондс и вторые лейтенанты Шнайдер и Питцер, если не ошибаюсь?

– Так точно, сэр! – отчеканил Симондс на правах старшего по званию и ведущего этой пары и добавил: – Здравия желаем, сэр!

Подполковник небрежно козырнул в ответ, отмахнув пальцами правой руки на уровне расшитого золотой нитью козырька своей синей бейсболки.

– Давно из Штатов, парни? – поинтересовался подполковник. Спросил он это максимально безразличным тоном, но реально его в последнее время очень нервировало прибытие в Европу большого числа всякого рода резервистов. По молодости лет Уитакер в свое время не успел в Корею, но все-таки сполна хлебнул настоящей войны, сделав во Вьетнаме 44 боевых вылета на «F-105» и «F-4» и даже как-то, было дело, посадив подбитый «Тандерчиф» с оставившимся двигателем на ВПП тайландской авиабазы Удорн. Соответственно, он прекрасно знал, что такое «пилот-резервист» или «пилот ВВС Национальной гвардии», и понимал, что ждать многого от всех этих вечных «запасных игроков» никогда не стоит.

– Позавчера, сэр! – ответил тот же Симондс.

– И откуда вы к нам прибыли? – поинтересовался подполковник все тем же безразличным тоном.

– Из Нацгвардии, сэр!

Ну да, этого он и ждал. В ВВС Нацгвардии только недавно начали полностью переходить на не самые свежие модификации «Фантомов», а кое-где еще летали на всяком старье, вроде «F-100» и «F-101», не считая, разумеется, «утюгов-перехватчиков» типа «F-106». В любом случае «нацгвардейцы» всегда имели об ударах по наземным целям или подавлении вражеских радаров самые смутные представления, но никакого другого кадрового резерва у ВВС США все равно не было, и подполковник это слишком хорошо знал.

– Здесь уже летали? – поинтересовался Уитакер.

– Один раз, сэр, в порядке ознакомления, вокруг авиабазы.

– Над морем летали?

– Только в Штатах, сэр.

– Понятно, – сказал подполковник. А сам подумал, что это просто «замечательное» пополнение, и мысленно ругнулся последними словами. Небось пару раз летали над морем где-нибудь в Мирамаре, во время тренировок на воздушный бой (правда, такие упражнения в ВВС Нацгвардии бывают весьма нечасто и не у всех), по наземным целям работали один или два раза в жизни, да и то на уютном полигоне, зато во время какого-нибудь рутинного патрулирования видели вблизи (то есть это они так думают, что вблизи) русских разведывательных «Медведей» или «Барсуков» и теперь очень этим гордятся... И вот теперь они оказались здесь, где все просто-напросто ДРУГОЕ. Как говорится, велком, добро пожаловать. И делай теперь с таким пополнением что хочешь, поскольку других летчиков у родных ВВС все равно нет...

– Можно вопрос, сэр? – воспользовался возникшей паузой и молчанием начальства Симондс.

– Валяй, сынок.

– А что это за странные подвески, сэр?

Вопрос был вполне закономерным, поскольку глазастый Дэни Симондс наконец разглядел-таки под «Фантомами», своим и машиной ведомого, нечто довольно странное. Кроме пары ракет «Сайдвиндер» ближнего боя, двух ПТБ и контейнеров с аппаратурой наведения, там висело по здоровенной трехметровой остроносой чухке стального цвета с мощными ста-

биллизаторами. По форме эти фиговины больше всего напоминали то ли сильно уменьшенные ракеты, которыми нацисты когда-то обстреливали Лондон, то ли типичный космический корабль из старинных комиксов 1950-х.

– А оно вам ничего не напоминает? – спросил подполковник с довольно ехидной интонацией. Кажется, в отношении опыта и умственных качеств новопривывших он не ошибся...

– Никак нет, сэр!

– Это, сынки, атомные бомбы. Чтобы вам было понятнее – под каждой из ваших «птичек» сейчас подвешена оснащенная по-боевому «В.61». Примерно 60 килотонн в тротиловом эквиваленте, усекаете?

– Никак нет, сэр! – повторил Симондс в милой манере типичного «попки-дурака».

– Эх, сынки... Сегодня у каждого из вас, парни, висит под брюхом больше чем по три Хиросимы. Это понятно?

– Вы хотите сказать, сэр, что мы пойдем в обычный патрульный полет с боевыми атомными бомбами? – спросил Симондс несколько испуганно. Подполковник даже увидел (или это ему показалось?), как в свете прожекторов заблестел пот на его лбу.

– А вас, парни, что, не предупредили? У нас тут вообще-то полная боевая готовность, и сейчас часть вылетов на патрулирование мы фактически выполняем по-боевому.

– Нет, сэр, ну, то есть... – Симондс заметно стушевался. – Хотя, когда сегодня на предполетном инструктаже с нас взяли дополнительные расписки о неразглашении секретной информации, мне стало понятно, что что-то тут не то...

– Вы, ребята, что – раньше ни с чем подобным не летали?

Возникла пауза.

– Я в Штатах с имитатором один раз летал на боевое применение, – признался Симондс. – Но тот выглядел попроще, был поменьше, да я его и не сбрасывал...

– А остальные? – спросил Уитакер.

Остальные трое офицеров замотали головами в знак полного отрицания.

Краса и гордость ВВС Нацгвардии, подумал подполковник, курицы мокрые, мать их...

– Ну вот, теперь и слетаете с настоящими ядерными боеприпасами. В порядке ознакомления. Ведь надо же когда-нибудь и начинать...

– А зачем, сэр? – спросил Симондс; похоже, это вырвалось у него совершенно произвольно.

Ей-богу, лучше бы он спросил у подполковника, не фонит ли эта самая подвеска и будет ли у него стоять после подобных учебно-тренировочных полетов. Такой вопрос Уитакер воспринял бы с пониманием и неизбежной долей сортирного армейского юмора. Но вот вопросы типа «а зачем» не вызывали у подполковника ничего, кроме раздражения. Как будто он сам имел хоть малейшее понятие, зачем все это...

– Вообще-то, лейтенант, мы с вами люди военные и не должны задавать таких вопросов, – ответил он Симондсу. – Никому и никогда. А все вместе это называется – оказание психологического давления на противника. Русские и немецкие коммуняки на той стороне прекрасно знают, что у вас на борту: возможно, им про это докладывают даже немецкие вояки с этой самой базы. И пусть знают, поскольку это заставляет их всех бзд... то есть сильно нервничать. Поскольку мы тем самым показываем им, что готовы в случае чего мгновенно применить эти игрушки, причем по реальным целям.

– Сэр, а мы готовы? – спросил Симондс.

Подполковник понял, что чем дальше, тем больше этот разговор решительно перестает ему нравиться. По его понятиям, офицер не должен был много думать, тем более когда это касается таких вещей, как ядерное оружие.

– Опять лишние вопросы, лейтенант. Да вы не бойтесь, за вас же всегда подумают и решат, что делать. Без соответствующей команды из Белого дома никакая война не начнется.

Бросать эти игрушки вы будете только в случае, если вам отдадут конкретный категорический приказ, а сами по себе бомбы вполне стабильны. Мои парни с ними летают уже почти три недели, и хоть бы хны. Разве что вас, к примеру, собьют, но тогда это по-любому будет означать, что началась война...

А вот тут подполковник по привычке несколько упрощал, одновременно преувеличивая и приукрашивая.

Как поведут себя эти хреновины в случае реальной войны он, разумеется, не знал, как не знали этого и здешние специалисты-вооруженцы. Ни у кого не было ни опыта их реального сброса, ни способов объективного контроля – последние учения, где кидали реальные тактические ядерные заряды, состоялись еще в 1960-е годы, а их итоги были благополучно засекречены и забыты, а сейчас, после всех ограничительных международных договоров, вообще можно было проводить только подземные ядерные взрывы, которые ровно ничего и никому не облегчали в плане осмысления способов и последствий применения тактических «спецбоеприпасов». Вообще подполковник Уитакер в свое время пришел в тихий ужас, изучив соответствующие инструкции и четко осознав, что, по идее, любому пилоту «Фантома» из его эскадрильи ничего не стоит нажать кнопку «сброс» и скинуть эти самые треклятые шесть десятков килотонн куда попало. И ведь оно, мать его, сработает – это же вполне себе простая авиабомба, только, увы, с непростой начинкой.

То есть для этого самого сброса они, конечно, должны были получить соответствующую кодированную команду, но всех этих, столь характерных для «стратегов», показываемых в фильмах и описанных в разных глупых книжках «ключей» и цифровых кодов, которые надо по команде доставать из сейфа и предварительно куда-то вводить, здесь и в помине не было.

В тактической авиации все всегда было гораздо проще, и это нервировало подполковника больше всего. Он, кстати, подозревал, что и в стратегических силах США не все так гладко, как порой говорят, и все эти «дополнительные уровни защиты» рассчитаны больше на озабоченных гонкой вооружений и нераспространением ядерного оружия гражданских дураков из Конгресса или средств массовой информации.

– А здесь что – ждут войны? – спросил Симондс каким-то уже совсем не своим голосом.

– Боже упаси, парни. Пока нет, но ведь все может быть... Карту района изучили?

– Так точно, сэр.

– Тогда имейте в виду, что здесь надо все время смотреть в оба. Надо четко понимать, что сейчас вы не в Техасе и по соседству с вами находится отнюдь не Мексика, где тамошние придурки даже и не заметят, если вы вдруг невзначай зайдете в их воздушное пространство. Тут все настолько рядом, что ухо надо постоянно держать востро. До красной Германии меньше сотни миль и до Швеции примерно столько же. И там и там нас очень не любят и по любому поводу объявляют боевую тревогу, поднимая дежурные истребители. Поэтому лететь надо строго по кромке территориальных вод...

– А если...

– Никаких «если», сынки. Раз вас прислали сюда, значит, вы считаетесь достаточно хорошо подготовленными пилотами. Притом что невыполнимых задач вам здесь не ставят. И самое время доказать, что вам не зря деньги платят, раз уж вы находитесь на самом что ни на есть переднем крае борьбы с коммунистами. Да, пилоты пары «Уайлд Уизлов» майора Тэцлоффа, которая пойдет вместе с вами, ребята более опытные, поэтому держитесь их и в случае чего делайте, как они. Главное, как я уже сказал, строго придерживайтесь заданного курса, будьте все время на связи и держите ухо востро. Да, имейте в виду, здесь поблизости сейчас монтируют новейшую станцию РЭБ. Иногда ее ненадолго врубают в тестовом режиме, и из-за этого бывают небольшие проблемы со связью. Но вас это совершенно не должно пугать. Уяснили?

– Так точно, сэр!

В этот момент подошел давешний мастер-сержант, доложивший о полной готовности самолетов к вылету.

– Тогда по самолетам, парни, – приказал Уитакер.

Пилоты натянули на головы «горшки» гермошлемов и полезли в кабины. Техники расторопно убрали стремянки, потом закрылись фонари кабин, включились фары и БАНУ, после чего пара «Фантомов» с мощным, все нарастающим ревушим свистом порулила на старт.

Провожавший их взглядом подполковник, как это ни странно, не знал, что еще сегодня утром ему был передан категорический приказ из Пентагона – отменить все патрульные полеты с подвешенными атомными бомбами. До особого распоряжения.

То, что он этого не услышал, было прискорбно, но, увы, не удивительно.

Причина была проста – уже пятый день, практически по соседству, между Ягелем и Прецем, испытывали и тестировали только что развернутую на северном побережье ФРГ новейшую станцию радиоэлектронной разведки и РЭБ. И именно из-за нее связь в последнее время становилась весьма нечеткой, а иногда и пропадала совсем, и ближняя и дальняя – КП переставал слышать экипажи в воздухе, а руководители полетов не могли доораться до летчиков. Порой глючили и бортовые РЛС. При этом чертовы рэбовцы имели скверную привычку включать свою аппаратуру неожиданно, в любое время суток, и абсолютно никого не предупреждать об этом.

Уитакер в этой связи совершенно растерялся. Сначала он пожаловался на них по команде, и устно и в виде рапортов. Ему ответили, что обязательно примут меры, но вместо этого проблемы со связью продолжались. Наконец, позавчера разозленный бездействием начальства подполковник лично поехал на этот, если можно так выразиться, секретный объект. Что сказать – станция действительно впечатляла и размерами антенн, и количеством народа, который вокруг этих антенн работал. Но это только издали. Вблизи Уитакеру сначала пришлось потратить сорок минут на пререкания с военной полицией на въезде, словно он был не офицером в форме ВВС, а каким-нибудь местным перепившимся бюргером, лезущим в запретную зону. А потом, когда его впустили-таки на объект, подполковник потратил еще полчаса на разговор с донельзя надменным очкариком профессорского вида в форме майора войск связи, который никак не мог взять в толк, чего, собственно, этот человек из ВВС от него хочет. Уитакер даже повысил было голос на очкарика, но в этот момент в кабинет явился некий очень уверенный в себе мордастый тип в штатском, представившийся полковником военной разведки и заявивший, что ему глубоко плевать на эти наезды со стороны ВВС и прочих «сапогов», поскольку они тут делают важнейшее и наисекретнейшее (он именно так и сказал) государственное дело, подчиняясь непосредственно Вашингтону. Дескать, у них имеется свой, крайне плотный график разнообразных мероприятий по подготовке к этому самому «неизвестно чему», и он никому не позволит этот график нарушать. В общем, поговорили...

Уитакер уехал ни с чем, а вечером того же дня ему позвонили сначала из Бонна, а потом и из Брюсселя. Его не только не поняли, но даже наорали и приказали не соваться не в свое дело. Подполковнику даже не ответили на резонный вопрос – а как летать при таких-то затруднениях со связью? Точнее, даже не пытались ответить. Велели придерживаться утвержденных планов боевой подготовки, и все. А еще сослались на немцев из того же Ягеля, которые продолжали выполнять полеты и абсолютно ни на кого не жаловались. Начальству, конечно, виднее, но немцы-то летали здесь всегда, в любое время года и в любую погоду, и иногда вполне могли обойтись без связи и РЛС, определяясь по чисто визуальным ориентирам. А что делать ему с этими «комнатными орлами» из Нацгвардии, которые прибыли в ФРГ три дня назад, но тем не менее уже включены в общий план боевой подготовки? Оставалось только молиться и надеяться на лучшее.

Именно из-за очередного пробного включения аппаратуры этой станции шифрованная радиограмма об отмене полетов с атомными бомбами дошла до подполковника не полностью.

То есть та часть, где говорилось о некотором снижении боевой готовности, была принята и расшифрована верно. Если бы радиogramмы не было, сейчас в воздухе находилось бы вдвое больше самолетов. А вот окончание шифровки, где говорилось об отмене полетов со «спецподвесками» и необходимости сдать указанные «изделия» на склад, подчиненные подполковника просто не услышали, из-за тех самых чертовых помех. А посылать запросы с просьбой повторить радиogramму здесь было как-то не принято, и Уитакер не стал этого делать, поскольку счел, что все было понято и расшифровано правильно, а оснований для запросов и уточнений у него не было. В конце концов, если связь временами и сбоила, то сбоила-то не просто так, а по делу. Зачем соваться куда не просят?

Подполковник плюнул и полез в свой джип.

Между тем пара массивных «птичек» со «специзделиями» на подвеске замерла на старте.

В передней кабине ведущей машины заметно вспотевший первый лейтенант Симондс затыкнул на лице крепление кислородной маски и, глянув еще раз на пристегнутый к бедру комбеза планшет с картой, попытался мысленно проиграть предстоящую задачу.

Вроде бы ничего сложного. Взлететь курсом на северо-восток и пройти над Балтийским морем по кромке датских и восточногерманских территориальных вод, Кильская бухта, потом остров Фемарн. Далее Мекленбургская бухта, пролив Кадет-Реннен, затем обогнуть с северной стороны остров Рюген, а затем, не дойдя примерно двадцати миль до датского острова Борнхольм, повернуть на обратный курс. Действительно ничего сложного, но если принять во внимание ночь, малознакомый ему лично район полетов, расстояние между датским, шведским и гэдэровским берегами менее чем в 50 миль, а также общую нервозность по причине повышенной боевой готовности по обе стороны границы, получалось, откровенно говоря, невесело.

– Чак, ты там как, готов? – спросил Симондс своего оператора Бакстона, сидевшего в задней кабине и, очевидно, занятого очень похожими размышлениями.

– Готов, Дэни, все системы в норме, – ответил тот.

– Кугуар-2, – запросил Симондс ведомую машину. – У вас все в порядке?

– Норма, – ответил голос Шнайдера в наушниках.

Замершие на ВПП «Фантомы» мигнули посадочными фарами.

– Кугуар-1 и Кугуар-2, я Ферма, как слышите? – спросил из радиации отчего-то похожий на робота из фантастических фильмов (видимо, из-за особенностей аппаратуры) голос руководителя полетов. «Кугуар-1» и «Кугуар-2» на сегодня были позывными Симондса и ведомого экипажа второго лейтенанта Шнайдера.

– Кугуар-1, вас слышу, Кугуар-2, вас слышу, – отозвались оба экипажа. – К взлету готовы!

– Тогда вам старт! – отозвалась вышка управления полетами.

Двигатели заревели на полную мощность, и оба истребителя-бомбардировщика, разгоняясь, покатались по полосе, так же как взлетевшая за несколько минут до них и уже растворившаяся в ночном небе пара «Уайлд Уизлов» прикрытия.

Ночные аэродромные огни, словно в калейдоскопе, понеслись по сторонам пилотской кабины, все ускоряясь, а потом у сильно вдавившегося в кресло Симондса возникло некоторое чувство неуверенности, какое обычно бывает у пилота любого только что оторвавшегося от земли самолета. Хотя вроде бы все было штатно. Произведя уборку шасси, Симондс повел свою пару в ночную темноту, в сторону моря.

– Кугуар-2, я Кугуар-1, как обстановка? – запросил он Шнайдера.

– Кугуар-1, все нормально, – отозвался ведомый.

– Кугуар-1, Кугуар-2, я Канюк-1, – раздался в наушниках голос майора Тэцлоффа, ведущего пару «Уайл Уизлов». – Вижу вас на радаре, видите меня?

– Видим, – доложил Симондс после короткой утвердительной реплики оператора и взгляда, брошенного на экран радара в собственной кабине. На радаре действительно вполне отчетливо светилась пара отметок, державшихся чуть впереди, левее и выше их. А вот здешнее

ночное небо Симондса не радовало, но что делать? По идее, облаков не было и на дворе стояло лето, но все равно ему показалось, что здесь все-таки куда темнее, чем над Штатами.

– Кугуар-1, как вы там? – снова прорезался на радиоволне голос руководителя полетов.

– Нормально, Ферма.

– Тогда немного уберите обороты и ложитесь на курс 120. Высота 8000, выше не подниматься, быть внимательными, следите за маршрутом, местоположением и действиями «Канюков», как поняли, Кугуар-1?

– Ферма, вас понял, выполняю, – ответил Симондс, слегка доворачивая самолет.

Затем они резали воздух практически в полной тишине, изредка перебрасываясь короткими фразами с Канюком-1, которого вполне четко наблюдали на радаре. Темнота вокруг была хоть глаз выколи. Сверху, если слегка присмотреться, можно было различить звезды и даже отдельные созвездия, а вот внизу было темно настолько, что даже не было понятно, море там или суша. Хотя, судя по очертанию береговой линии на экране радара и по времени, они уже давно летели над морем. И так продолжалось около двадцати минут.

А потом уже вполне успокоенного Симондса вдруг вывел из себя резкий и неприятный треск и вой, раздавшийся в наушниках гермошлема. От неожиданности он замотал головой, но посторонние звуки не исчезали, а, наоборот, усиливались.

– Дэн, что это за хрень? – поинтересовался из своей задней кабины Бакстон. – Или я один это слышу?

– Ничего не понимаю, Чак, у меня тоже...

– И на радаре какие-то помехи, – добавил оператор каким-то не очень уверенным голосом.

Симондс бросил взгляд на приборную доску, и увиденное повергло его в ужас. Шкалы некоторых приборов пришли в движение, в частности мелко тряслись авиагоризонт и стрелка компаса. Изображение на радаре меняло яркость и четкость, внятных отметок от пары «Канюков» там уже не было, зато появлялись и исчезали какие-то хаотичные пятна и отметки. Вот тебе и пресловутая радиоэлектронная борьба... За всю свою не сильно длинную летную карьеру Симондс ни разу не сталкивался с реальными действиями РЭБ, ни своей, ни чужой. То есть на учениях в том же Техасе им иногда сообщали по ходу дела что-то типа «а сейчас объявляется полное радиомолчание, поскольку посредник дал вводную о том, что условная РЭБ условного противника поставила условные помехи». Но реальных-то помех никто при этом не ставил, и чем это чревато, Симондс не знал...

– Ферма, я Кугуар-1, – воззвал в эфир Симондс. – У меня пошли комбинированные помехи и по каналу связи, и на бортовой РЛС. Кто-нибудь скажет мне, в чем дело, черт вас подери?

– Кугуар-1, – прорвался сквозь мощный треск и вой далекий голос Фермы. – Не паникуйте. Все штатно. Это ненадол...

После чего его голос окончательно потонул в треске и вое.

– Канюк-1, – без особой надежды на ответ запросил Симондс Тэцлоффа. – В эфире сплошные помехи, что происходит?

Никакого ответа он не услышал, в эфире были только неприятные для человеческого уха фоновые шумы. В этот же самый момент ведущий пару «Уайлд Уизлов» тоже вызывал Кугуара-1, но, к сожалению, абсолютно тщетно.

Обе пары не слышали ни друг друга, ни руководителя полетов. Они продолжали лететь над Балтийским морем в прежнем направлении, правда, опытный ведущий «Канюков», уже сталкивавшийся с безумными выходками рэбовцев, после появления в эфире помех принял единственно верное решение – на широте острова Рюген он взял влево, в результате чего «Уайлд Уизлы» начали уходить на северо-запад, в сторону Дании, с тем чтобы экстренно лечь на обратный курс. А вот пара «Кугуаров», не долетев до Рюгена, взяла чуть вправо, строго

на юг, прямо в сторону побережья ГДР... Правда, ни та, ни другая пара этого еще не знали, поскольку друг друга на радарх не наблюдали и имели проблемы со связью и навигацией. Более того, даже свои наземные РЛС видели их в этот момент не очень четко.

Правда, через пару минут майор Тэцлофф услышал-таки в своих наушниках через треск помех:

– Канюк-1, я Ферма. Что у вас там происходит?

– Ферма, у меня идут помехи по всем каналам, мне вас почти не слышно, а с «Кугуарами» связи нет вообще!

– Это плохо. Похоже, они сильно отклонились от курса и забирают юго-восточнее.

– Что?

– Через пару-тройку минут они могут быть в территориальных водах ГДР. Если не сумеют вовремя определиться с курсом или если эти чертовы помехи не будут выключены...

В этот момент подполковник Уитакер тщетно пытался дозвониться до станции РЭБ под Прецем, но его ни с кем упорно не соединяли, поскольку все тамошнее начальство как раз было «на эксперименте». Драгоценное время уходило безвозвратно...

– Что-что? Повторите! – потребовал Тэцлофф.

– Повторяю, Кугуар-1 и 2 через несколько минут окажутся над вражеской территорией...

– Ферма, и что я, черт возьми, сделаю? – поинтересовался Тэцлофф. – Они же ни меня, ни вас не слышат! Кугуар-1, это Канюк-1, вы меня слышите?

Ответом были молчание и усиливающийся шорох помех.

– Канюк-1, – потребовала «Ферма» категорическим тоном. – Ложитесь на обратный курс и постарайтесь обнаружить «Кугуаров» визуально!

– Ферма, а что это даст? У меня на радаре идут сплошные помехи, и я их практически не вижу!

– Канюк-1, не рассуждать! – огрызнулся руководитель полетов и, прежде чем голос «Фермы» опять окончательно потонул в треске и свисте помех, майор Тэцлофф успел услышать: – Мать божья, кажется, эти идиоты уже над ГДР...

Майор невесело ухмыльнулся и приказал ведомому ложиться на обратный курс. Кажется, тот его понял.

А на КП руководитель полетов в этот момент невзначай услышал на одной из свободных от помех частот бодрую команду на непонятном языке:

– «Trety», ja «Pervji»! Obnarugena para neopoznanih samoliotow! Wojawaja trewoga! Degurnoe zveno na vzlijot! Zadacha w wozduche!

Слушая, как в соседней комнатухе командного пункта орет в телефонную трубку все еще пытающийся соединиться с рэбовцами Уитакер, руководитель полетов четко осознал, что ничем хорошим нынешняя ночь для них, похоже, не кончится...

Симондс, оказавшись, как пишут в книгах про летчиков, «один в бескрайнем небе» (что было не совсем справедливо, принимая во внимание наличие ведомого), снизился, но это ровно ничего не изменило.

– Ферма! Я Кугуар-1, мать вашу!!! – заорал Симондс в микрофон. Ответом было шуршание помех.

– Чак, КП нас по-прежнему не слышит, – сообщил он оператору и задал классический авиационный вопрос пилота штурману: – А мы вообще где?

– Похоже, сильно отклонились к юго-востоку, надо быстрее разворачиваться и выбираться отсюда. Радар и навигация глючат, но если прямо сейчас пойдём на северо-запад – не ошибемся!

– Определись точнее визуально, черт возьми!

– Определишься тут... Тогда снижайся еще, мне не видно ни зги...

Послушный руке пилота «Фантом» снизился до двух с половиной тысяч. Симондс не очень понимал, что изображающий не по своей воле глухонемого ведомый при этом как привязанный держится за его хвостом и тупо повторяет все его маневры. А как должен был выглядеть со стороны, для ПВО Восточного блока резкий поворот пары ударных самолетов и их дальнейший полет с резким снижением к побережью ГДР, да еще и под прикрытием радиоэлектронных помех, никто из тех, кто отправил пару «F-4E» на это «учебное задание», в тот момент, разумеется, не задумывался. А зря, потому что русские все поняли правильно и сыграли по всему балтийскому побережью ГДР боевую тревогу. Из Дамгартена навстречу «Фантомам» уже стартовало звено советских «МиГ-23», а из Пинемюнде – пара «МиГ-21М» ВВС Национальной народной армии ГДР.

– Ну и что там у тебя? – спросил Симондс через минуту после снижения.

– А глянь сам на пять часов, будешь «приятно» удивлен...

Симондс послушно посмотрел за борт кабины и первое, что увидел за толстенным стеклом фонаря, – как по правому борту мелькнули редкие огни какого-то, похоже, не очень большого города.

– Мать его, это же суша!

– Ты, Дэни, поразительно догадлив!

– Чак, мы что – залетели к коммунякам?!

– Да! Я тебе про это уже пять минут втолковываю, а ты это все еще не понял!

– Быстро уходим!

– Давно пора. Поворачивай!

Симондс заложил боевой разворот, уводя машину влево, в северном направлении.

Но они не успели – в кабине, с особенно четко выделяющимися в темноте индикаторами приборов, запиликал нудный сигнал об облучении «Фантома» радаром.

– Что такое, Чак?

– Вроде бы у нас на хвосте несколько воздушных целей, и это явно не наши!

– Я Кугуар-2, – вдруг возник в наушниках сквозь шорохи помех голос ведомого Шнайдера, про которого Симондс почти забыл в горячке критической ситуации. – Кугуар-1, что происходит?! Почему у нас на хвосте чужие самолеты?!

– Потому что мы над красной Германией, идиот! Долбанные помехи! Заткнись и делай, как я!

– Вас понял. Но у меня падают обороты левого двигателя, – сообщил Шнайдер каким-то странно спокойным голосом.

– Черт побери, только этого не хватало!

В этот момент над самой кабиной «Фантома» промелькнула быстрым росчерком короткая цепочка цветных огоньков. Симондс хоть и не сразу, но догадался, что это короткая очередь из авиационной пушки, которая в темноте именно так и выглядит. Через секунду выше их «Фантома» проскочил вперед темный остроносый силуэт незнакомых Симондсу очертаний, были видны БАНУ на концах крыльев и тусклое пламя форсажной камеры двигателя. Опять-таки не сразу, Симондс определил, что это вроде бы знакомый по альбомам силуэтов «самолетов вероятного противника» «Flogger», как в НАТО обозначали «МиГ-23». А в наушниках его шлемофона между тем прозвучал сквозь треск помех бесцветный голос на плохом английском:

– Неопознанный самолет, следуйте за мной!

– Предлагает следовать за собой, – сказал Бакстон из задней кабины. – Что будем делать?

– Да пошли они! Связь с базой есть?

– Нет.

– Тогда уходим, и будь что будет!

В момент, когда он прибавил оборотов двигателю, последовал сильный удар по хвосту, после чего скорость начала резко падать, а управляемость машины тоже явно снизилась.

На приборной панели замигали надписи «Пожар» и «Остановка двигателей». Понимая, что выбора нет, Симондс отдал последнюю команду:

– Чак, выходим!

После чего схватился обеими руками за рукоятку катапульты и с силой рванул за спуск.

Откидная часть фонаря улетела с похожим на приглушенный выстрел звуком, потом сильный удар пиропатронов, показавшийся Симондсу хорошим пинком под зад, вышвырнул кресло престижной марки «Мартин-Бейкер» во внешний мир.

При этом Симондс почувствовал сильную режущую боль в спине. Потом отвалилось и улетело вниз кресло, а над головой с хлопком раскрылся парашют, чей купол был плохо виден в ночной темноте.

Вокруг по-прежнему не было видно почти ничего, только что-то тускло горящее, слегка похожее на комету, несло к земле, а потом ночное небо озарила тусклая вспышка взрыва, видимо, от ракеты «воздух-воздух». Вот так непрезентабельно и выглядят современные воздушные бои, и зря кто-то из тех, кто выбирает по жизни карьеру летчика, думает, что когда-нибудь увидит красивые баталии в стиле фильма «Битва за Англию»...

Вися под шелковым куполом, Симондс не мог знать, что спасшись он купил себе всего-то лишних три-четыре минуты жизни. Его оператору Бакстону «повезло» куда меньше, он не сумел катапультироваться и сейчас падал вместе с самолетом, но это уже было неважно.

Потому что в том месте, где в небе тускло светилась «комета» падающего «Фантома», вдруг грохнуло, а потом там как будто лопнул огромный белый пузырь.

На секунду, словно при фотовспышке, с необычайной четкостью высветился пейзаж внизу, включая какую-то землю, шоссе и деревья, а уже через секунду Симондс ослеп – вспышка из белой стала желтой, и эта желтизна мгновенно сменила ночную темноту вокруг него. К тому же ни с того ни с сего стало нестерпимо жарко. Последнее, что понял Симондс, – это то, что гребаная «спецподвеска» под сбитым «Фантомом» все-таки сработала. А уже через секунду и он, и окружающий его воздух горели, превращаясь в светящееся облако плазмы. Через пару секунд от болтавшегося под парашютом пилота не осталось ничего. Он не мог знать, что и под сбитым самолетом ведомого тоже сработал взрыватель «В.61» и через несколько секунд последовал второй воздушный ядерный взрыв.

Обе бомбы сработали на высоте нескольких сотен метров прямо над окраиной небольшого гэдээровского городка Вольтаст в округе Росток, по соседству с памятным по ракетным экспериментам доктора Вернера фон Брауна времен прошлой войны островом Узедом. Судьба около 10 000 вполне мирно спавших до момента первого взрыва местных жителей в этой связи оказалась довольно незавидна. Интересно что во всех мыслимых и немыслимых военных планах НАТО данный населенный пункт значился как даже не второстепенная, а очень третьестепенная цель и объектом для первого удара в случае начала войны по нормальному сценарию Вольтаст никогда бы не стал. Но, увы, – все сложилось именно так, как сложилось...

Вместе со сбитыми «Фантомами» испарились четыре находившихся в воздухе советских «МиГ-23» и оба гэдээровских «МиГ-21М». Но это было еще не все – расплавились или упали в море из-за мгновенного отказа всех бортовых систем шесть «F-104G» ВВС ФРГ, выполнявших плановые учебно-боевые полеты, пилотов которых КП в Ягеле опрометчиво перенацелило на поиск потерявшей ориентировку и связь американской пары.

Майору Тэцлоффу с напарником повезло чуть больше – в момент взрыва их «Уайлд Уизлы» находились довольно далеко от эпицентра (хотя и летели прямо в сторону вспышки), но когда после сработки первого заряда на их бортах вырубилось буквально все, у экипажей не оставалось никаких других вариантов, кроме катапультирования. Это им вполне удалось, но спасло летчиков ненадолго. Майор Тэцлофф даже вполне успешно достиг гребней волн, успел снять гермошлем и надуть спасжилет. Но что в этом толку, если световое излучение сначала ослепило пилота, а потом верхний слой воды вокруг него закипел? Поэтому неизвестно, кому в

тот, самый первый день повезло больше – испарившемуся Симондсу или сварившимся заживо Тэцлоффу и трем его коллегам...

Радиоактивное облако от взрывов с очень кстати дувшим в последние дни восточным ветром понесло в западном направлении. Через полчаса оно накрыло Штральзунд, через час – Росток и Висмар, через полтора часа – Любек и Киль, а через три часа благополучно достигло Дании.

Мощный электромагнитный импульс от двойного ядерного взрыва начисто выбил все электрохозяйство на севере ФРГ, сильно повредив западным немцам и военной мощи НАТО, поскольку русские и гэдээровцы все-таки ждали чего-то подобного и успели оперативно вырубить большую часть своих радаров и средств связи.

В Ягеле, где ни с того ни с сего погас свет, поначалу даже началось нечто похожее на хаос.

Технари лихорадочно пытались запускать аварийные дизель-генераторы, но почти все они оказались или законсервированы, или не имели топлива в резервуарах. Так что это оказалось достаточно серьезной и неожиданной проблемой.

Не было ни связи, ни всего остального, и персонал аэродрома очень быстро почувствовал себя словно на необитаемом острове.

Мало кто из них знал, что спустя полчаса после первых двух ядерных взрывов этой войны уже пошла на взлет 16-я воздушная армия ГСВГ. По всей ГДР, в Ной-Вельцове, Альштедте, Вернойхене, Брандисе, Деммине, Фалькенбурге, Мерзебурге, Альтенбурге, Цербсте, Кетене, Альтес-Лагере, Виттштоке, Дамгартене, Финнове, Гроссенхайме, Финстерваплде, Бранде, Лерце и Гросс-Дельне поднимались в предутреннее небо или вырубивали на старт обвешанные бомбами и ракетами самолеты советской фронтовой авиации – пять авиадивизий и несколько авиаполков армейского подчинения. Больше 600 боевых машин – «МиГ-21», «МиГ-23», «МиГ-27», «Су-17», «Су-24», «Як-28» различных вариантов. Поскольку по объекту на территории ГДР был однозначно нанесен ядерный удар (а трактовать как-то иначе последовательный двойной атомный взрыв было невозможно), а никаких комментариев со стороны НАТО в течение получаса не последовало, хотя запросы от советских представителей поступили сразу же и на всех уровнях, это было расценено как начало большой войны. Военная машина Организации Варшавского Договора медленно пришла в движение, и получилось это, как обычно, в результате случайного и неблагоприятного стечения обстоятельств...

В помещении на втором этаже полутемной вышки управления полетами аэродрома Ягель, освещенной только тусклым синеватым светом аварийных аккумуляторных фонарей-переносок, дежурный с позывным «Ферма» сначала слышал только ругань и вопли наземного персонала. Это было несколько не удивительно, поскольку, во-первых, самолеты и экипажи, находившиеся в воздухе в момент взрывов, скорее всего не имели шансов вернуться уже никогда, а во-вторых, никто пока не понял – а что, собственно, это было? В мозгах у большинства западнонемецких и американских вояк прочно сидела уверенность в том, что современные войны вот так, вдруг не начинаются. А значит, должна же быть какая-то подготовка, какое-нибудь предупреждение, план, в конце концов... Но вместо этого просто вырубилось электрохозяйство, а никаких внятных команд от вышестоящих штабов все еще не было. Поэтому никто не знал, что же им следует делать в первую очередь – восстанавливать электроснабжение, срочно прятаться по бомбоубежищам (которых здесь было, кстати сказать, раз, два и обчелся) или готовить вверенную технику к боевому вылету? Единого мнения на этот счет ни у кого не было – к началу 1980-х в любой армии мира инициатива была делом уголовно наказуемым...

А потом неожиданно оживила резервная линия экстренной связи. Дежурный слышал, как к телефону позвали подполковника Уитакера. В светлеющем предутреннем сумраке было видно, как в соседней комнате за прозрачной перегородкой подполковник слушает, что ему там говорят, и его и без того выглядевшее безжизненно в свете аварийных лампочек лицо принимает и

вовсе мрачное выражение. Сам Уитакер не сказал в трубку почти ничего, только несколько раз переспросил, выдавив из себя короткие слова типа «да?!», «что?!», «как?», «да» и «так точно».

Потом он перестал переспрашивать и поддакивать, а затем положил трубку.

Дальнейшее не мог предположить вообще никто. Подполковник сел на ближайший стул, потом достал из кобуры 9-мм «беретту» и, не меняясь в лице, шмальнул себе в правый висок. Содержимое его головы темной жижей вылетело на стенку с расписанием дежурств по КП, тело сползло на пол. Заорали и запричитали находившиеся рядом с подполковником связисты.

Однако никаких четких приказов по-прежнему не поступило, и осмыслить увиденное самоубийство два десятка человек, находившихся в этот момент на КП, просто не успели – через шестнадцать минут после того, как Уитакер столь буднично и добровольно расстался с жизнью, серия НАРов кучно накрыла вышку и разом покончила со всеми, кто там находился. А потом на все еще обесточенный Ягель посыпались бомбы, превращавшие в хлам и металлолом аэродромные сооружения. Стоявшие заправленными в укрытиях и на стоянках немецкие «Старфайтеры» и американские «Фантомы» взрывались красиво, словно петарды, а в небе над горящей базой оглушительно ревели турбины, причем чужие...

В НАТО еще никто ничего по-прежнему до конца не понимал, но было ясно, что русские нанесли ответные авиаудары, причем по всей территории ФРГ...

Восточный Берлин. Раннее утро 11 июня 1982 г. Началось.

Констанц Ренхард проснулась в комнате своей берлинской квартирki на третьем этаже старого дома на Ваттштрассе, разбуженная сильным свистом, переходящим в грохот, от которого задрожали стекла в рамах. Вскочив с постели, она кинулась к окну. При этом ее мать, фрау Магда, спокойно спала в соседней комнате. Констанц этому нисколько не удивилась, поскольку мама, как и покойный папа, в свое время, еще девочкой, провела немало ночей по бомбоубежищам под массируемыми, изматывающими бомбежками англо-американцев, и ее, как и многих из того, военного, поколения немцев было трудно разбудить чем-то вроде канонады.

А в том, что это была именно канонада, Констанц почему-то не сильно сомневалась. Она приоткрыла штору и осторожно выглянула на улицу. Было еще темно, город тонул в предутреннем мраке, но в некоторых домах вспыхивали и гасли огоньки электрических лампочек. Как видно, непривычные звуки досрочно разбудили не ее одну.

Из окна третьего этажа было видно довольно плохо, но где-то за Шпрее, в западном направлении, над крышами домов и кронами росших вдоль улиц деревьев глухо гремело, трещало и бухало. Потом раздался свистящий, характерный для реактивного самолета и, кажется, даже сдвоенный рев, после которого в западном направлении глухо бабахнуло, а небо над городом осветила тусклая вспышка. А через пару минут Констанц увидела за оконным стеклом, как где-то далеко, явно за Стеной, в небо взлетают разноцветные змейки осветительных ракет, мелькают светлые пульсирующие росчерки, а временами что-то вспыхивает, озаряя горизонт.

В большую и настоящую войну Констанц верить не хотелось, хотя два дня назад ей позволил недавний неожиданный приятель – симпатичный, неплохо говоривший по-немецки русский солдат Виталий (Башмаков все-таки сумел на пару минут добраться до телефона-автомата; мало кто знал, чего ему это стоило), который явно очень торопился и успел сказать только, что у них сейчас слишком много дел и в увольнение поэтому никого не пускают. После этого он извинился за то, что долго не давал о себе знать, пообещал сразу же позвонить, если сумеет получить увольнительную, и повесил трубку. В общем, Констанц было ясно, что военная активность повышается с каждым днем. Об этом говорили хотя бы участвовавшие полеты над городом и окрестностями военных самолетов и вертолетов, перемещения нескончаемых колонн различной техники, а также жалобы подружек, чьи парни сейчас служили в ННА, – их тоже перестали отпускать в увольнение. Но чтобы вот так неожиданно – и война?

На улице стало слышно сирену – под окнами проскочил освещенный синей мигалкой бело-зеленый «Вартбург» с надписью «Volkspolizei», а минут через пять над улицей повис

тяжелый, скрежещущий грохот и лязг, от которого мелко задрожали уже не только оконные стекла, но и стоящая в кухонных шкафах посуда.

Затем улицу осветили лучи тусклых фар, и прямо под домом Констанц, одуряюще воняя соляровой гарью, проскочила остроносая гусеничная машина с плоской башенкой и коротким пушечным стволом, над которым торчала какая-то толстая труба на подставке. Из башенного люка высовывался, ссутулившись, человек в черном комбезе и ребристом шлеме. За первой машиной мелькнула вторая, третья, десятая, двадцатая... потом Констанц откровенно сбилась, поскольку у нее в глазах зарябило от трехзначных номеров на бортах машин. Казалось, что им не будет конца, но в какой-то момент рев стал сильнее, и из-за кормы очередной остроносой машины на улицу выкатился уже вполне настоящий танк – массивный, с залезанной, похожей на купол башней и длинным пушечным стволом. За первым танком замелькали его близнецы-братья, и снова казалось, что их колонна бесконечна.

Констанц чисто машинально отметила, что вся эта техника двигалась в западном направлении, к мостам через Шпрее, а вот куда дальше – к ближайшему ККП в Зонненхалле или, к примеру, в сторону аэропорта Темпельгоф, что находился за Стеной, в американском секторе?

Она, разумеется, не знала (да и не могла знать), что саперы ННА ГДР уже успели снять инженерные заграждения и организовать проходы в Стене, а в таких условиях все КПП утратили прежнее значение. Точно так же Констанц, как и большинство восточных берлинцев, не знала, что в этот самый момент выдвинувшаяся из района Карлхорста 6-я гвардейская мотострелковая бригада (эту превосходившую по численности и оснащенности некоторые советские мотострелковые дивизии часть натовцы обычно именовали «Берлинская бригада») и другие части 20-й гвардейской общевойсковой армии ГСВГ, а также ННА ГДР уже ворвались в Западный Берлин и занимали его, почти не встречая сопротивления, чему способствовали точные и внезапные для противника удары авиации и грамотные действия заранее просочившихся в столь милый сердцу покойного президента США Дж. Кеннеди город разведывательно-диверсионных групп, которые готовились в этом двадцать последних лет...

Отрывок из экстренного заявления ТАСС. 7 часов утра (время московское). 11 июня 1982 г.

...Накапливая в Западной Европе колоссальные запасы чудовищных средств массового уничтожения, включая свыше 7 тысяч ядерных боеприпасов и более 800 самолетов, большинство из которых могут доставлять к целям в среднем по четыре ядерных заряда мегатонных мощностей, американские империалисты всегда преследовали коварные цели. Во-первых, они всегда стремились максимально сократить дистанцию нанесения ядерного удара по Советскому Союзу, а во-вторых – отодвинуть как можно дальше от США опасность сокрушительного ответного удара. Именно они усиленно пропагандировали идею так называемой «ограниченной» ядерной войны, то есть такой опустошительной войны, которая была бы ограничена территориями СССР и Западной Европы. Сегодня американская военщина вместе со своими партнерами по НАТО перешли последнюю черту, нанеся по территории Германской Демократической Республики тактический ядерный удар. При этом правительства США и ФРГ отказываются признать сам факт совершения этого чудовищного злодеяния, гнусной провокации, в результате которой уже погибли тысячи мирных людей. Советский народ не может спокойно наблюдать за подобными военными провокациями империалистических агрессоров, стремящихся развязать полномасштабную ядерную войну. Мы не можем оставаться спокойными и безразличными ко всему этому. Даже в этот тяжелый час Коммунистическая партия и Советское государство продолжают предпринимать настойчивые усилия по укреплению мира и предотвращению начала полномасштабной ядерной войны. Верные своему союзническому долгу, находившиеся в полной боевой готовности Советские Вооруженные Силы и войска государств – участников Варшавского Договора были вынуждены нанести ряд превентивных ударов по военной инфраструктуре НАТО на территории ФРГ и в Западном Берлине и начать

локальные боевые действия, с целью исключить возможность повторения сегодняшней трагедии и не допустить дальнейших ядерных ударов по территории стран социалистического содружества. Миролюбивая политика нашей партии и государства всегда обуславливала сугубо оборонительный характер советской военной доктрины. Мы всегда были решительно против истребительной ядерной войны. Советский Союз никогда не был инициатором создания новых разрушительных видов оружия. Мы всегда принимали ответные меры, дабы быть не застигнутыми врасплох, поджигателям войны из агрессивного блока НАТО это не удалось. Советский Союз в очередной раз поставлен перед необходимостью принимать ответные меры для защиты своих границ и границ своих союзников...

Из телефонного разговора министра иностранных дел СССР Андрея Громыко с госсекретарем США Александром Хейгом по «горячей линии». 11 июня 1982 г. 8.10 утра (время московское).

В начале этого разговора американский госсекретарь отметил для себя, что хотя у его московского собеседника и был голос пожилого человека (что неудивительно, учитывая его возраст), по-английски Громыко тем не менее говорил прекрасно и разговор с ним не был легким с самого начала. Опять-таки Хейг точно не знал и мог только предполагать, кто еще в Кремле (или в каком-нибудь засекреченном командном пункте для советских вождей), кроме Громыко, сейчас слушает этот их разговор. Но что их слушает кто-то еще (а возможно, и сам Андропов), Хейг был уверен. Сам он точно знал, что после окончания разговора его запись немедленно будет прослушана президентом, министром обороны и массой других, имеющих соответствующий допуск, лиц и чиновников.

– Мы с вами, господин государственный секретарь, беседуем уже больше десяти минут, а вы так и не соизволили ответить на мой главный вопрос. Советское руководство хочет понять, являются ли произошедшие сегодня ночью на территории Германской Демократической Республики события началом полномасштабной войны? Почему ваша администрация и министерство обороны не сделали никаких официальных заявлений, а президент Рейган отказался от личной беседы по этому поводу с Генеральным секретарем Андроповым?

– Господин министр! Поймите меня правильно – президент пока не может дать вам по этому поводу никаких разъяснений!

– Почему, позвольте спросить?

– Пока у нас недостаточно информации с места событий, чтобы давать им однозначную оценку.

– Господин государственный секретарь, зачем вы пытаетесь в очередной раз ввести нас в заблуждение? Даже мы знаем, что был полностью разрушен город Вольтаст на территории союзной нам Германской Демократической Республики, при этом погибли и серьезно пострадали десятки тысяч человек. Самолеты НАТО сбросили на этот город две атомные бомбы суммарной мощностью около сотни килотонн. И при всем при этом вы утверждаете, что у вас недостаточно информации?

– Да, недостаточно. У нас сейчас затруднена связь с нашим командованием в Западной Европе. Кстати, господин министр, почему ваша авиация наносит удары по территории ФРГ?

– Господин государственный секретарь, наша позиция полностью изложена в сегодняшнем заявлении ТАСС. Это ответные меры, направленные на то, чтобы исключить возможность дальнейшего применения НАТО оружия массового поражения. Наша армия начала действовать в соответствии со своими союзническими обязательствами и только после того, как на территорию одного из наших союзников было совершено ничем не спровоцированное ядерное нападение.

– Я искренне соболезную вам и руководству ГДР, но, как я уже вам сказал, пока мне нечего добавить, господин министр.

– И когда администрация президента США будет любезна сделать официальное заявление и наконец разъяснит, означают ли события последних часов, что СССР и США находятся в состоянии войны?

– Мы немедленно сообщим вам об этом.

– Хорошо. Мы ждем. Но имейте в виду, что все наши стратегические силы приведены в состояние полной боевой готовности и любые акты агрессии с вашей стороны незамедлительно вызовут ответные жесткие и адекватные действия.

– Я незамедлительно передам ваши слова президенту, господин министр...

Разговор между президентом США Рональдом Рейганом и министром обороны США Каспаром Уайнбергером в салоне «борта № 1» ВВС США по пути из Вашингтона на один из особо защищенных правительственных командных пунктов – гору Шайенн в штате Колорадо. 11 июня 1982 г. Около 9.00 (время московское).

Породистое красноватое лицо президента в эти часы было каким-то особенно суровым. К счастью, временами шеф был еще способен слезть со своего любимого конька и, перестав нести всю эту псевдомессианскую ахинею про богоизбранность американской нации и дьявольскую сущность русских коммунистов, внимательно слушать и задавать вполне разумные для человека невеликого ума вопросы. Во всяком случае, к радости Каспара Уайнбергера, этот разговор пока шел во вполне конструктивном русле. Возможно, эти проблески президентского ума спровоцировали жуткий стресс и дискомфорт последних часов (еще бы, не каждый же день приходится в пожарном темпе покидать уютный Белый дом и, прихватив с собой чад и домочадцев, первую леди и ораву штатных прихлебателей, уматывать из Вашингтона к черту на кулички, подальше от густонаселенных районов Восточного побережья, в пылившиеся без дела со времен Карибского кризиса глубокие подземные норы!), а возможно, шеф никогда не был таким дурачком, каким иногда казался во время некоторых своих особенно запомнившихся почтеннейшей публике публичных выступлений. Хотя точно этого в администрации Белого дома, разумеется, не знал никто.

– Каспар, мы разговариваем с вами битый час, а я по-прежнему не понимаю почти ничего из того, что вы говорите, – сказал президент. – Извольте выразаться яснее и перестаньте, наконец, думать, что вы находитесь на очередном заседании кабинета по поводу военного бюджета!

– Да я и сам еще не все до конца понимаю, господин президент. Понимаете, такого вообще не должно было быть, черт возьми! Им же за двое суток до этого был отдан четкий приказ – прекратить полеты с подвешенными атомными бомбами. Но они его по какой-то причине не выполнили!

– Что значит «не выполнили»? В последнее время наши военные удивляют меня все больше. Когда речь заходит о реальной обороне нашей христианской отчизны, они почему-то отделяются общими фразами, но зато в том случае, когда необходимо продемонстрировать твердость и выдержку, они почему-то оказываются излишне деятельными!

Так, понеслась, подумал Уайнбергер. Похоже, шеф опять заговорил высоким штилем. Не дай бог его опять заклинит, и тогда все будет как всегда – одна-единственная дурная извилина периодически портила президенту всю его голову...

– Господин президент, все дело в нашей слишком сложной структуре и излишне запутанной схеме подчиненности. Получилось так, что люди из ВВС то ли не получили, то ли неверно расшифровали полученный приказ. Главной же причиной было то, что по соседству в ускоренном темпе монтировали и вводили в строй новейший комплекс радиоэлектронной разведки и радиоэлектронной борьбы. Эта станция предназначалась для планировавшихся нами операций против Польши, и работавшие там парни подчинялись непосредственно ЦРУ, никак не связывая свои действия с Пентагоном. В итоге мы теперь имеем несанкционированный ядерный удар по территории ГДР. При этом было сброшено две бомбы, да еще и с самолетов, которые, получается, действовали под прикрытием радиопомех и прочих средств радиоэлектрон-

ной борьбы. И теперь из-за этого рокового и дурацкого совпадения уже никто не поверит в то, что это была случайность...

– Виновники наказаны?

– Да теперь это уже не особо важно, господин президент.

– То есть как?

– Поскольку мы не сделали никаких официальных заявлений и не признали, что мы находимся в состоянии войны с Восточным блоком, Советы атаковали основные аэродромы и военные объекты на территории ФРГ, а их танки, похоже, перешли западногерманскую границу и уже вошли в Западный Берлин. Кстати, в этой связи их вполне можно понять, поскольку они явно ожидают от нас дальнейших ядерных ударов.

– Господи, за что мне все это! – вздохнул президент и спросил: – И что мы, по-вашему, должны теперь делать? Немедленно начать Третью мировую войну? Запустить ракеты?

– Вообще-то вы главнокомандующий, вам и решать.

– Черт возьми, какие-то чертовы недоумки, сапоги вонючие, допускают роковые ошибки, а я теперь должен разгребать все это дерьмо после них! Каспар, русские наносили какие-то удары по территории США?

– Пока, разумеется, нет, но их стратегические силы в полной боевой готовности, как, впрочем, и наши.

На лице президента возникло какое-то особенное, не часто появляющееся выражение. Мало кто знал, что у него это было признаком усиленной мозговой работы.

– Ну, тогда, я думаю, пускать в ход всю нашу ядерную мощь пока не стоит, – изрек он наконец.

– Почему?

– Потому что это слишком дорого обойдется нам самим. Время для неожиданного превентивного удара вами упущено, Советы находятся в полной боевой готовности и в случае необходимости способны нанести удар, который мы не сможем отразить полностью. Или я не прав?

– Возможно, вы действительно правы, господин президент.

– Конечно, прав. Мне же уже успел позвонить по горячей линии немецкий федеральный канцлер Шмидт, прямо из Бонна. Даже посмел кричать на меня. Я не все понял, но он нагло заявил, что мы негодяи и провокаторы, подло втягивающие бедных немцев в войну с коммунистами совершенно против их воли. Особенно сокрушался, что первыми погибли немцы в том захудалом городишке. То есть получается, ему их жалко, этих красных.

– Ну, они же тоже немцы, господин президент. Говорят на одном языке. Наверняка у многих из них были родственники в ФРГ.

– Н-да, весело. За последние без малого сорок лет они разучились воевать, зато научились слишком много болтать! Нет, я, конечно, понимаю, мы бы тоже были вне себя, если бы русские уронили пару ядерных бомб, скажем, на Торонто или Монреаль. Мы бы тоже сразу начали отвечать. Но это же мы, те, кто избран богом для нашей великой миссии, а не эти проклятые безбожники! Хотя, по-моему, публично объявлять о состоянии войны с Россией нам пока не стоит, поскольку пока что получается, мало того, что мы кругом виноваты, так и начали эту войну тоже мы! А этого не может быть! Мы можем только отвечать ударом на удар!

– Это понятно, господин президент. И какой у нас тогда план действий?

– Во-первых, нужен режим полной информационной блокады. Эти мерзавцы из СМИ, которые уже один раз просрали Вьетнам, сразу же поднимут жуткий вой. А значит – ввести негласный запрет на информацию. Никакой достоверной информации из Европы не должно дойти до глаз и ушей американских обывателей. По крайней мере, до определенного момента, пока это не станет выгодно нам самим. Пока что следует сообщать, например, о ядерном взрыве

из-за каких-нибудь технических неполадок и перестрелках на границе ФРГ и ГДР. В конце концов, обратитесь к моим советникам, они вам что-нибудь этакое в момент придумают...

– А как же европейские СМИ? Их так просто заткнуть не получится.

– А кому они нужны? Зато у нас вполне получится какое-то время их игнорировать, заявляя, что они, так же как и коммунисты, все лгут и преувеличивают. Вы, кажется, сказали – русские уже на территории ФРГ?

– Да, мне докладывают, что они уже перешли границу в нескольких местах и продвигаются дальше.

– Хорошо.

– Что же тут хорошего, господин президент?

– Действительно, хорошего мало, и тем не менее... Полагаю, у нас достаточно войск в Европе для отражения русского наступления?

– Да, но...

– Что «но»?

– У меня пока нет полных данных по потерям, особенно в результате авианалетов. Только предварительные прикидки.

– Ну, это, Каспар, уже несущественные детали. Тогда вот что. Я так понимаю, что немцы, бельгийцы, голландцы и прочие европейцы ненадежны. А этот мерзавец Миттеран уже успел заявить, что эта война в Европе французов вообще не касается и до момента, пока не будет совершено каких-либо актов агрессии непосредственно против их территории, они намерены сохранять нейтралитет! Он скрытый коммунист, не иначе... И тем не менее пока отдайте приказ отразить наступление русских в Германии всеми имеющимися средствами, но без задействования стратегических средств и оружия массового уничтожения. Их применять только в случае крайней необходимости и только после того, как я буду в курсе о вашем намерении их применить. Хотя, если у кого-то из наших парней случайно сдадут нервы и они долбанут по красным еще одной-двумя атомными бомбами, я никого за это не буду наказывать...

– То есть как, господин президент?!

– Каспар, не будьте дураком. По-моему, есть смысл посмотреть на реакцию Советов. Вдруг, если на их наступающие войска упадет пара атомных бомб, они испугаются или начнут делать глупости, а? В общем, если у нас получится достойно выдержать некоторую паузу, потом можно будет представить все это как вполне локальный эпизод и даже объявить, что красные сами взорвали этот чертов городишко для провокации, чтобы иметь повод для войны. Ну, или мы потом всем докажем, что у нас просто не было другого выхода. Когда после нашей победы организуем международный военный трибунал вроде нюрнбергского и будем на нем судить этих коммуняк, как поджигателей войны...

– А русские? – спросил Уайнбергер, понимая, что, судя по последней реплике, шефа опять начинает заносить, причем не в ту сторону.

– А что русские? Несколько дней мы вполне сможем водить их за нос, не делая никаких конкретных заявлений и продолжая ссылаться на недостаток информации. А они тем временем понесут кое-какие потери и, возможно, поумнеют, заскулят и подожмут хвост. Я полагаю, за три-пять дней вы стабилизируете обстановку в ФРГ?

– Очень на это надеюсь.

– Я тоже. Другие варианты меня категорически не устраивают. Сейчас, увы, не самый благоприятный момент для начала Третьей мировой войны. Зачем мне, спрашивается, нужны мертвые избиратели?

Уайнбергер не нашелся, что на это ответить...

Глава 11. Ревущие звери

Ракетоносцы 203-го гв. ТБАП. Где-то в небе над Польшей. Раннее утро. 11 июня 1982 г. Первый день войны.

С момента, когда с аэродрома под Барановичами взлетели две эскадрильи ракетносцев «Ту-22К» из состава 203-го гвардейского ТБАП, прошло уже более получаса. Самолеты медленно набрали высоту и теперь, достигнув 10 000 метров, вытянулись в направлении на запад, в строю клина, который при наличии изрядной фантазии можно было бы сравнить с журавлиным.

Затянутый в высотное снаряжение и кислородную маску командир 2-й эскадрильи майор Ильин пока мало что понимал в происходящем, как и большинство его сослуживцев. Не далее как позавчера вечером он еще помогал своей ненаглядной жене Алке трясти половики во дворе, ел на ужин вчерашний борщ и искренне считал, что повышенная боевая готовность является всего-навсего признаком предстоящих больших учений, вроде прошлогодних.

Но сегодняшний вылет стал практически откровением, поскольку было понятно, что он не будет похож вообще ни на что из всей его предыдущей летной жизни. Хотя бы потому, что под самолетами висели ракеты в полностью боевом, хотя и не ядерном, снаряжении. Боевые ракеты майор Ильин лично запускал всего два раза в жизни, в том числе один – еще зеленым лейтенантом, с «Ту-16», и оба раза по полигону. Остальные плановые практические пуски полка (как и всех «дальников» советских ВВС) осуществлялись ракетами в так называемом инертном снаряжении, то есть с болванками вместо боеголовок.

– Штурман, как обстановка? – спросил Ильин по внутренней связи разместившегося в носовой кабине капитана Копенкина.

– Нормально, командир, – отозвался знакомый глуховатый голос в наушниках. – Идем по плану!

– Радист, а как у тебя? – задал практически тот же вопрос майор.

– Все путем, командир, – ответил сидящий в кабине за спиной майора лейтенант Дмитриев, самый молодой в их экипаже. Радист и по совместительству оператор хвостовой пушечной установки.

Получив утвердительные ответы от экипажа, Ильин запросил командиров машин своей эскадрильи. Все у всех было в порядке, а поскольку выходить на связь без крайней необходимости приказа не было, вести долгих разговоров не стоило. Тем более что группу сопровождали постановщик помех и разведчик (возможно, для контроля результатов удара). Те же «Ту-22», из их же полка. Наличие такого «эскорта» было непривычно и лишний раз напоминало о серьезности происходящего.

Об обстоятельствах из области, как любил говорить замполит, «международной обстановки», предшествующих сегодняшнему вылету, поначалу ходили сплошные слухи. Но сначала ночью по тревоге подняли весь полк (при этом народ сразу догадался, что тревога коснулась не только одного полка, а всей 15-й гвардейской Гомельской ТБАД), а потом последовало заявление ТАСС, которое не оставило сомнений в правдивости слухов о том, что по территории ГДР были нанесены ядерные удары. Кстати, само заявление не несло отпечатка какого-то страха или фатальности. Прочитанный по телевизору диктором Кирилловым текст хоть и содержал отдельные тревожные нотки, тем не менее прозвучал довольно БУДНИЧНО (так, по крайней мере, показалось майору Ильину), а значит, все произошедшее вписывалось в некий ПЛАН. Тем более что, если верить московским теленовостям, американцы не дали никаких комментариев по ночным событиям, а только сообщили о том, что «прошедшей ночью на территории ГДР предположительно произошел ядерный взрыв, обстоятельства и причины которого выясняются», а «на границе ФРГ и ГДР происходили перестрелки» и более ничего. Зато

мельком показали Андропова, который вел какое-то заседание в присутствии всего Политбюро и непривычно многочисленных генералов во главе с самим маршалом Устиновым, а значит, в Кремле явно владели ситуацией...

В остальном же все было довольно буднично, без общего построения и выноса гвардейского знамени полка. Просто дополнительная подписка за ознакомление с секретными материалами, взятая особистами, и сразу же розданные на руки карты и конкретный маршрут предстоящего вылета вместе с боевой задачей.

Полученные штурманами перед вылетом карты развеяли последние заблуждения и сомнения летчиков. Их сегодняшний курс лежал на северо-запад. Ракетносцам «Ту-22К» предстояло пройти почти тысячу километров, пересекая Польшу и ГДР с востока на запад, а у самой границы ФРГ запустить свои «гостинцы» в сторону побережья Северного моря. При паспортной дальности пуска «Х-22» в 600 км пускать их с втрое меньшего расстояния не представлялось чем-то архисложным.

Целью удара была группа кораблей НАТО, расположившаяся в Гельголандской бухте, километрах в пятидесяти от Бремерхафена. Перед вылетом им сообщили, что это соединение собиралось в ближайшее время прорываться через балтийские проливы для высадки крупного десанта где-нибудь на побережье ПНР. Самыми крупными из предполагаемых целей были десантный вертолетоносец «Окинава» типа «Тарава» и американский ракетный крейсер «Калифорния». Насчет того, что по крайней мере часть из выпущенных ими ракет непременно попадет в цель, майор нисколько не сомневался. Хоть это и был первый в его жизни реально боевой пуск, притом что снаряжение ракет было и не ядерное (о том, что было бы, будь у них на подвесках «специзделия», думать как-то не хотелось)...

В принципе, сомневаться майору вроде бы было вообще не в чем, и тем не менее, пока полет шел своим чередом, разные глупые и не очень мысли невольно лезли в его покрытую летным шлемом голову. Все-таки что такое сейчас происходило вокруг – реальная война? Однако стоило признать, что началась она как-то, мягко говоря, странно, поскольку всегда и везде (и с высоких трибун, и дома на кухне) не раз, не два и даже не десять говорили о том, что если вдруг случится война, по обе стороны Атлантики сразу же нажмут на кнопки, ну и на этом все... Сорок, как считало большинство населения, минут и – кирдык всему и сразу. Бечь некуда, лучше шей заранее саван, натягивай его на себя и медленно ползи в направлении ближайшего кладбища...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.